

18+

ЕЛЕНА ПАВЛОВА

Я хочу
Борьшера

Том 1

Елена Павлова

Я хочу большего. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67738205

ISBN 9785005655776

Аннотация

Лена мечтала сбежать из провинции в столицу и поступить в лучший вуз страны. Хотя и платно, но Лене это удалось. Впереди у нее знакомство с «золотой» молодежью, первая работа и первая любовь... Ее поглощает страсть к преподавателю, который не прочь развлечься... Лена знает, что он бабник и эгоист, и все-таки... Готова ли Лена поступиться жизненными принципами? Устоит ли героиня перед соблазнами столицы? Книга является первой частью опубликованного ранее романа «Я хочу большего». Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

114

Я хочу большего Том 1

Елена Павлова

Редактор Ольга Сергеевна Фуркало

Корректор Екатерина Александровна Еголина

Дизайнер обложки Мария Ведищева

© Елена Павлова, 2022

© Мария Ведищева, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0056-5577-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0056-5578-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

* * *

Вокзал. Суматоха, шум, люди, кое-как пристроившиеся на неудобных пластиковых креслах зала ожидания и задремавшие в обнимку с чемоданами, радостные возгласы встречающих, прощальные дружеские похлопывания и чмоканья, бесконечные очереди; опаздывающие пассажиры, впопыхах расталкивающие всех на пути к заветному вагону, ки-

оски с жёлтой прессой, популярными романами, детективами и дешёвыми безделушками, обилие и бесполезность которых вызывает тоску; маленькие магазинчики с «ролексами» и прочими подделками по смешной цене; кафешки с фастфудом, холодными резиновыми булочками и бутербродами с заветренной колбасой сомнительного вида; посетители этих кафе, безразлично жующие чипсы и попивающие пиво; вездесущий женский голос, не всегда разборчиво объявляющий время прибытия и отправления; таксисты, моментально вычисляющие в толпе наивных провинциалов и готовые довести их куда угодно исключительно за большие деньги; стук колёс и тот самый пронзительный, зовущий за собой гудок поезда, увозящего или доставляющего очередную порцию уставших от бесконечного ожидания людей, – целый мир в миниатюре.

Вся эта масса, шаркая, толкаясь и гудя, беспрестанно двигалась в ритме приливов и отливов. В людской водоворот удачно вписалась молоденькая, среднего роста девушка, тоненькая, как тростиночка, но уже с вырисовывающимся грациозным станом. На ней были светло-голубые джинсы и такого же оттенка джинсовая ветровка. Скромный багаж состоял лишь из небольшого рюкзачка, перекинутого через плечо. Лёгкий ветерок июльского утра слегка трепал концы её длинных прямых тёмно-русых волос. На голове были тёмные очки с модной поблёскивающей оправой. Они как обруч поддерживали несколько прядей, спадающих на высо-

кий, слегка загорелый лоб. Девушка, не двигаясь, стояла посередине платформы и, подняв голову вверх, нюхала воздух, наслаждалась особенным запахом столицы, будто понятным только ей.

Это была Елена Фадеева. Она выглядела моложе своих семнадцати. Совсем ещё детское личико и несколько недоразвитая фигура выдавали её юный возраст. Девушка не выглядела ярко, обладая особой, нежной и тихой красотой. Миловидные черты овального лица – большие серые глаза с пушистыми ресницами, над которыми изящными дугами изогнулись тёмные брови, вздёрнутый кверху носик, пухлые алые губки, нежно-детский подбородок, круглые щёчки и тот ясный, живой взгляд, который бывает только у молодых, не битых и не испорченных жизнью людей – всё в ней было мило, свежо и просто. Таких девушек-провинциалок столица десятками каждый день принимает в свои вокзальные объятия. Все они едут покорять Москву. Только что их ждёт? Достанут ли звезду с неба? Или сгинут навсегда в манящей и затягивающей трясине соблазнов гигантского мегаполиса?

* * *

До этого дня всё в жизни Лены Фадеевой было достаточно тривиально. Будучи родом из недалёкой от Москвы провинции, Лена росла среднестатистическим примерным и очень

усердным ребёнком в полной благополучной семье.

Отец Лены, Алексей Михайлович Фадеев, много и усердно работал и со временем дослужился до поста заместителя директора на одном из ярославских государственных предприятий, поэтому хорошо обеспечивал свою семью.

Наталья Александровна, мама Лены, была домохозяйкой и много времени проводила со своей дочерью, отдавая ей всю свою любовь.

Лену Наталья Александровна родила, как и положено, через год после свадьбы с Алексеем Михайловичем, с которым познакомилась на заводе, куда пошла по направлению на должность старшего экономиста сразу же после окончания местного университета. Работала она совсем недолго, около двух лет, а после рождения дочери, просидев в декрете три года, так из него и не вышла. Наталья Александровна целиком и полностью посвятила себя хозяйству, мужу и дочери, не забывая и про себя. Хозяйкой она была прекрасной! В их доме всегда царили уют и порядок. Наталья никогда не сидела на месте. А как она готовила! Просто объеденье! Алексей Михайлович высоко ценил кулинарные способности своей жены, поэтому к зрелому возрасту приобрёл вполне увесистое брюшко.

По выходным всей семьёй они выбирались в парк покататься на велосипедах или лыжах в зависимости от времени года; иногда папа брал Леночку на рыбалку, правда, весь улов приходилось выпускать – дочка плакала и не хотела от-

давать рыбок коту на съедение. А папин летний отпуск они неизменно проводили на берегу какого-нибудь морского курорта.

Сама Лена была доброй, улыбчивой и застенчивой девочкой, что придавало ей обаятельности. Училась хорошо и прилежно, благодаря чему заполучила благосклонность и любовь учителей. Правда, несмотря на то, что она была практически отличницей, какими-то особыми талантами не обладала, о чём хорошо знала, продолжая много и упорно заниматься. Способность терпеливо и дисциплинированно трудиться, чтобы достичь своей цели, – великий дар, но тогда Лена не была способна осознать его ценность, считая себя посредственностью. Так же её воспринимали и родители, до конца не признаваясь себе в этом. Была здесь, впрочем, и польза: скромная оценка собственных способностей позволила Лене окружить себя многочисленными приятелями и подружками. Родители и нарадоваться не могли, какой у них порядочный и спокойный ребёнок, хотя и не хватающий звёзд с неба.

Оберегая их покой и стремясь избегать конфликтов, Лена не рассказывала о своих мечтах, стремлениях и желаниях, боясь, что ей обрежут крылья. Однажды, уже будучи подростком, она имела неосторожность поделиться с папой, что хочет стать актрисой и выступать на сцене. Тот так смеялся, что потом долго не мог забыть об этом и часто подтрунивал над дочкой. С тех пор свои высокие цели девушка поверяла

только тайному дневнику или близким подругам. Лене было очень обидно, что отец не верил в неё и не видел в ней ничего особенного. А она была особенной, она чувствовала себя особенной. Она задумывалась о звёздах, мечтая стать астрономом, о большой сцене в театре, о главной роли в кино или даже о правительстве, гадая, а не стать ли ей депутатом. Это были большие и амбициозные мечты. Лена не мыслила в масштабах своей нынешней жизни, она мыслила глобально и не стеснялась своих желаний, по крайней мере, у себя в голове. Она знала, что достойна лучшего.

Лена мечтала, заглядываясь на харизматичных и ярких мальчишек, которые выделялись своими лидерскими качествами и по которым сохли все девчонки. Как бы ей хотелось заполучить себе такого мальчика, чтобы все подружки от зависти лопнули! Это стало бы доказательством того, что Лена особенная... Но нет, ничего такого не происходило. На неё обращали внимание мальчишки попроще, как валенки, и Лене это обижало. Смотря на себя в зеркало, она не понимала, почему не нравится тем, в кого влюбляется. Всё в ней было складно, мило и просто. Может быть, слишком просто для таких парней.

Первая любовь, правда, у неё всё-таки была. Впрочем, назвать это любовью можно было с большой натяжкой. Видя, как подруги напропалую гуляют с разными парнями, выбирая кого получше, Лена тоже хотела купаться во внимании противоположного пола, хотя бы в чьём-нибудь. Мальчиш-

ка был обыкновенный, не пользовавшийся особой популярностью у девушек. А Лене очень хотелось быть на высоте. Но приходилось довольствоваться тем, что есть, мечтая о каком-нибудь парне своей подруги. И девушке было досадно – ведь она ничуть не хуже подруг.

Лена чувствовала себя и красивой, и умной, но жизнь и всё её окружение только лишней раз напоминали о том, что она всего лишь одна из многих обыкновенных девиц-мечтательниц и ничего особенного в ней нет. С одной стороны, Лена это понимала, с другой – её тайные амбиции всё равно продолжали расти. Из года в год, а потом и изо дня в день её жизнь становилась всё более скучной и предсказуемой, и сама мысль, что никогда не получится достичь хотя бы половины того, чего так хочется, наводила на девушку ужас и тоску.

Жизнь её родителей протекала очень спокойно и размеренно, развиваясь словно по какому-то уже давно установленному плану. Лене порой казалось, что их целью было стремление избежать любых проблем, потрясений и изменений, как плохих, так и хороших. Главное, чтобы никто и ничто не нарушило покой их мирного существования. Этого же они ждали и от своей дочери, но она была совсем другой и хотела совсем другого, не того, что прочил ей отец. Жизнь по заранее известному плану давила на неё своей приторностью и бесполезностью. Лена часто представляла такую нерадостную картину: вот закончит она школу, поступит в яро-

славский университет, папа устроит к себе на уже надоевший ей завод, где она знает всех и каждого, найдёт какого-нибудь парня, родит детей, те вырастут, а они с мужем состарятся... И что? И это всё? Нет, не хотела она такой жизни, не для того она родилась, чтобы бессмысленно влачить своё существование. Она хотела найти себя и быть полезной миру! Ей хотелось яркости жизни во всех её красках. Если уж строить карьеру, то до небес, если уж быть женой, то гения. Надо хотеть жить и не бояться, тогда непременно всё получится. Так думала Лена, иногда часами мечтая, лёжа в своей кровати и мучаясь от бессонницы.

Время шло, нужно было определяться с профессией и институтом, чтобы нанять нужных репетиторов. Сделав попытку разобраться в своих чувствах, мыслях и желаниях и спустившись с небес на землю, Лена решила, что станет юристом, чем в очередной раз порадовала своих родителей.

Папа стал потихоньку искать через своих знакомых людей, которые смогли бы облегчить поступление в местный университет. Алексей Михайлович нашёл лучших репетиторов, записал дочь на курсы, в общем, старался как мог. Только на всю его суету Лена реагировала как-то вяло и сдержанно, чем приводила отца в недоумение.

– Ну вот, я кручусь как белка в колесе, а она даже не улыбнётся, – жаловался он порой жене, – всё задумчивая какая-то ходит.

Лена прекрасно знала, что своим решением стать юристом

угодила родителям. Для себя она решила, что это был последний раз, когда она делает то, что хотят они.

Желание поскорее претворить свои мечты в реальность не давало Лене покоя, и она решила действовать.

Москва, конечно же, Москва, где исполняются самые смелые мечты и самые дерзкие желания, где по-настоящему бурлит интересная жизнь, и, главное, Москва даёт шанс каждому, нужно лишь суметь воспользоваться им. Ведь не зря самые талантливые, самые умные, самые красивые, успешные и все, кто хочет в жизни добиться чего-то стоящего, стремятся именно туда. Её правда состояла именно в этом. Вот за таким шансом Лена и решила поехать в столицу поступать на юридический факультет в один из самых престижных вузов страны.

Но как сказать об этом родителям, надеявшимся никогда не расставаться со своей единственной и любимой дочерью?

* * *

Пришла пора рассказать родителям о своём решении. Лена не раз представляла сцену, как она расскажет всё маме с папой, и что за этим последует. Она не боялась гнева родителей, но переживала за их чувства, ведь осознать необходимость скорой и долгой разлуки с единственной дочерью не так уж просто. Положение усугублялось ещё тем, что отец на дух не переносил Москву. Он считал столицу центром

скопления безнравственных и беспринципных людей, которые с целью наживы и из жажды власти готовы совершить самые низкие и подлые поступки.

Лена медлила с разговором, постоянно откладывая его и подыскивая подходящий момент, но этот момент никак не находился: то отец болел, то у мамы плохое настроение, то слишком хорошее, чтобы его портить. В минуты семейной радости взгляд девушки становился вдруг таким печальным, будто она сожалела о чём-то и загодя молила о прощении. Проницательный отец замечал эти долгие взгляды и терзал себя догадками, задаваясь вопросом, что же творится в маленькой головке его дочурки. Однажды он не выдержал и набрался смелости это выяснить.

Лена в тот пасмурный зимний вечер сидела одна в своей комнате, убранство которой было скромным, но уютным. Она расположилась за письменным столом и, поджав под себя ноги, читала учебник по праву, усердно готовясь к поступлению. Но её голова была занята совсем другим. Не переставая думать о неприятном предстоящем разговоре, она никак не могла сосредоточиться на тексте, по нескольку раз перечитывая один и тот же абзац и, ловя себя на мысли, что ничего не поняла из прочитанного, вновь возвращалась к началу. Тут ручка двери щёлкнула, и на пороге показался Алексей Михайлович.

Это был высокий, статный, с хорошей осанкой, но изрядно располневший мужчина лет пятидесяти с густыми тём-

ными волосами, зачёсанными назад. Небольшие карие глаза беспокойно глядели из-под нависших припухлых век. Красивый, немного толстоватый нос с боков был слегка сдавлен крепкими щеками, плавно переходившими во второй подбородок. Несмотря на свою внушительную фигуру, предполагающую размеренность и медлительность её обладателя, Алексей Михайлович был суетлив и неспокоен. Много ахал, охал и паниковал, хотя при необходимости мог быстро взять себя в руки и в нужный момент начинать действовать. Но вследствие своего склада характера имел слабое сердце.

Отношения с дочерью у него были трепетные и искренние. Проблем её он не сторонился, а пытался помочь и решить их как можно быстрее. Только задушевных разговоров Алексей Михайлович вести не умел да и не любил. Считал, будто письмо чужое без спроса читает, влезая к другому в душу, поэтому обо всех важных событиях в жизни его дочери он узнавал преимущественно от жены. Вот и сейчас он хотел было подослать Наталью, чтобы та выяснила, в чём дело, но, немного поразмыслив, на этот раз решил взять инициативу в свои руки.

Когда Алексей Михайлович вошёл в комнату, на его полное красноватое лицо полился электрический свет низко висевшей лампы, которую он чуть не задел своей макушкой. На лице выражалась решительность, словно он отважился на что-то и возврата к прежнему больше не было. Приветливо улыбнувшись, отец сел на диван рядом с письменным

столом. Поёрзал, усаживаясь поудобнее, потёр руки и, закинув ногу на ногу, посмотрел на дочку. Она молча следила за странными движениями отца.

– Лена, я хотел с тобой поговорить, но не знал, как начать. Мне кажется, в последнее время с тобой что-то происходит. Ты стала какая-то задумчивая, печальная. Расскажи, может быть, я смогу тебе помочь? – ласково спросил он.

Лена отвернулась и опустила глаза, собираясь с духом. Наконец настал тот момент, который так мучил её и которого она так ждала.

– Да, пап, – после некоторой паузы спокойно ответила дочь, – ты единственный сейчас можешь мне помочь.

Алексей Михайлович напрягся.

– Дело в том, что... Ты же знаешь, я хочу поступать на юридический факультет, – начала Лена издалека.

– Ну, – кивнул отец.

– Но только учиться я хочу в Москве, а не в Ярославле. Я уже и институт выбрала, – наконец призналась она, затаив дыхание в ожидании реакции отца.

Отец изумлённо уставился на Лену и какое-то время сидел молча. А потом нахмурился, видимо, представив перспективу расстаться с любимой дочерью.

– Куда, куда? Ты с ума сошла! – повысил он голос, недовольно нахмурился брови. Руки нервно теребили край дивана.

– Только не пытайся меня отговорить, я всё равно уеду, – стараясь не робеть, сказала Лена, видя воинственный на-

строй папы.

Алексей Михайлович, впервые видевший свою дочь такой решительной, округлил глаза.

– Наташа, Наташа! – закричал вдруг он и вскочил с дивана. – Иди-ка сюда!

Через несколько секунд в комнате, быстро отозвавшись на этот требовательный призыв, появилась Наталья Александровна, тревожно смотревшая на домочадцев.

Наталья Александровна была сорокапятилетней женщиной с мягкими чертами лица, которые излучали доброту и приветливость. Имея миниатюрную фигуру и невысокий рост, она выглядела моложе своего возраста лет на пять, а со спины вообще походила на девушку. Раз в месяц, чтобы освежить причёску, она подкрашивала свои короткие кудрявые волосы русого цвета. У Натальи был высокий открытый лоб, узкие бледно-розовые губы, пухлый нос и тонкие брови, которые от частых прореживаний стали едва заметны на белом, слегка вытянутом лице.

Характера она была мягкого и спокойного, но при этом всегда имела своё мнение, к которому часто прислушивался Алексей Михайлович. Вот и сейчас ему необходима была её поддержка.

– Ты только послушай, что удумала наша дочь! – разгорячённо произнёс он и хлопнул рукой по своей ноге. – Она, оказывается, в Москву собралась. Учиться!

Ещё не успев произнести ни единого слова, мама в недо-

умении медленно села на край дивана и с укором посмотрела на дочь.

Видя, что отец рассердился не на шутку, Лена решила сгладить конфликт и перевести беседу в мирное русло, рассчитывая хотя бы на понимание матери.

– Папа, ты, пожалуйста, сядь и выслушай меня, а потом я послушаю вас, – твёрдо сказала Лена.

Но отца было не успокоить. Он, волнуясь и тяжело дыша, ходил по комнате, останавливаясь то у окна, то у двери. Ему хотелось выйти и больше не продолжать этот разговор, но Наталья Александровна удержала его и попросила выслушать дочь. После чего, недовольно причмокивая губами, папа всё-таки сел обратно, но говорить Лене не дал.

– И в какой институт ты собралась? – злился он.

Лена снова мысленно собралась с духом, чтобы сообщить родителям вторую новость, не менее шокирующую.

– В МГУ, – несколько отстранённо ответила она, как будто это не был один из лучших вузов страны.

Алексей Михайлович даже оторопел.

– Я вижу, ты совсем с ума сошла! Да ты сроду туда не поступишь! Это же МГУ-у-у! Эм-гэ-у!! Там своим-то не поступить, не говоря уж о таких, как ты, – заводился он всё больше.

– Я знаю, что мне просто так не поступить, – уверенно сказала девушка, чем удивила родителей. – Я решила пойти другим путём. Буду усердно заниматься, посещать репе-

титоров, курсы, выучу всю программу, успешно сдам ЕГЭ и сначала попробую поступить на бюджетное отделение. Если не наберу проходной балл, потому что кроме ЕГЭ мне нужно будет сдавать ещё два профильных экзамена, пойду на платное. Главное – не «падать» ниже проходных баллов для платного отделения, я уже всё узнала...

– Она уже всё узнала! Да я тебе ни копейки не дам! – резко перебил отец.

– Хорошо, – спокойно сказала Лена, слегка обиженная словами отца, но это она тоже предусмотрела. – Я тогда возьму кредит на учёбу. И вообще, папа, объясни, почему ты так в меня не веришь?

На глазах Лены навернулись слёзы, давно копившиеся внутри из-за этой невысказанной обиды.

Отец вдруг замолчал и виновато опустил глаза.

– Не то чтобы не верю... – неуверенно пробормотал он и сделал паузу. Он не знал, что ответить дочери. Он действительно в неё не верил.

– Здесь-то чем тебе плохо? – уклонившись от ответа, сменил тему Алексей Михайлович. – Я бы помог поступить тебе в наш университет, устроил бы на работу, а там? Что ждёт тебя там?

– Папа, ты прекрасно знаешь, что там с московским образованием я смогу найти работу лучше той, которую ты мне предлагаешь.

– Нет, ты мне объясни, чем тебя не устраивает твой город.

Может быть, тебе с нами плохо? – не унимался отец, найдя чем упрекнуть свою дочь.

– Да не в вас дело! – взмолилась Лена. – Я просто хочу самостоятельности!

– Хороша самостоятельность... Как платить, так родители! – воскликнул обиженно папа. – Какая уж тут самостоятельность!

– Я не это имела в виду! – вскричала Лена, не выдержав напора отца, и из её глаз брызнули слёзы.

– А что тогда?

Лена не решилась высказать всё, что накопилось у неё в душе. Она молчала, опустив глаза и вытирая слёзы. Отец почувствовал свою силу.

– Нет. Никуда ты не поедешь, и точка, – твёрдо произнёс он и встал с дивана, собираясь выйти, так как, по его мнению, разговор был окончен и решение принято.

Лена не выдержала, это была последняя капля.

– Я всё равно уеду. Я сбегу, – прошипела она, сдерживая свою обиду.

Отец развернулся и снова подошёл к ней.

– Попробуй... без паспорта!

– Ты не можешь решать всё за меня!

– Могу, я твой отец!

– Всего лишь... – фыркнула Лена.

– Что-о-о? – возмутился отец.

– Это моя жизнь! Да, я сейчас живу вашей жизнью, и она

меня бесит, если бы вы знали, как я ненавижу её!

Родители остолбенели от этих слов. Они вдруг поняли, что совсем не знают свою дочь.

– Да! – продолжала Лена. – Меня бесит этот город, меня бесят эта отсталость и этот консерватизм. Все эти люди, которые погрязли в быту и только и думают о том, как бы им прожить до следующей зарплаты. Меня сводит с ума мысль о том, что моя жизнь будет такой же бессмысленной, как ваша!

Родителям даже в голову не приходило, что Лена могла так воспринимать их жизнь. Гнев отца сменился на недоумение, он снова молча сел на диван.

– Почему же бессмысленной? – уже более спокойно, но обиженно проговорил отец. – Я свою жизнь такой не считаю.

– Потому что это твоя жизнь. Не моя. Дай мне прожить свою жизнь, и пусть она для кого-то тоже будет бессмысленной, но она будет моя, – пылко говорила Лена, стараясь убедить отца.

– И чего же ты хочешь от своей жизни? – сдержанно спросила мама, так как реплика о «бессмысленности жизни» относилась и к ней тоже.

– Я не хочу оставаться в Ярославле. Я хочу испытать судьбу там, где есть большие возможности, потому что хочу интересной и насыщенной жизни.

– Интересной и насыщенной... – с усмешкой повторил

отец. – И что же ты под этим понимаешь?

– Я хочу заработать много денег и объехать весь мир, например.

– Угу, – кивнул отец. – Ещё?

Лена пожалала плечами. На самом деле она сама плохо представляла, что это значит.

– Ну, не знаю, – замешкалась она. – Может быть, занять высокий пост... или удачно выйти замуж.

– Всё это возможно и здесь, – возразил отец.

Лена отрицательно замотала головой.

– Можно, – убеждал её отец. – Если ты, конечно, не президентом собираешься становиться.

Лена покраснела, это было слишком.

– Папа, ты не понимаешь.

– Я-то как раз всё понимаю. Интересной и насыщенной жизнь может быть где угодно, всё зависит от тебя. Ни один город не может повлиять на это. Наоборот, большие города часто съедают людей. Гонясь за иллюзией «насыщенной и интересной жизни», можно так погрязнуть в рутине её достижения, что жизнь пройдёт как раз бессмысленно и бестолково.

– Когда есть цель, жизнь уже по определению не может быть бестолковой.

– В любом случае не жди вечного праздника. Чтобы мечта стала явью, тебе нужно будет пройти через рутину, когда каждый день будет похож на предыдущий, и, возможно, ты

никогда не добьёшься того, чего хочешь.

– Спасибо, папа, за поддержку, – обиделась Лена.

– Не обижайся. Я просто хочу уберечь тебя от ошибки.

– Откуда ты знаешь, ошибка моё решение или нет? Ты так уверен в моём провале? Почему? Что во мне не так?

– Есть объективные обстоятельства. Лена, это МГУ! – и отец поднял руку вверх. – Туда не прорваться, там все места заранее куплены, даже платные.

– Тем более отпусти меня, дай мне убедиться в твоих словах лично, зато я вернусь уже со спокойной душой.

Алексей Михайлович не нашёл что ответить. Аргумент был веский. Он отвернулся и посмотрел на жену. Наталья Александровна сидела в глубокой задумчивости, но казалось, была согласна с дочерью. И отец, как бы он ни сопротивлялся, идя на поводу у своего эгоизма, понял, что Лена права. Но осознание, что их ребёнок уже повзрослел, пришло для обоих как-то неожиданно и больно.

– Может, я боюсь, что у тебя получится... – признался он.

– Так ведь это хорошо. Вы радоваться за меня должны, а не огорчаться.

– А как же мы? – вдруг спросила мама.

– Мама, пойми, я не смогу быть с вами вечно. Я выросла, отпустите меня.

Родители молчали.

– А где ты будешь жить? – сиплым голосом спросил вдруг отец, очнувшись после долгого волнительного молчания.

– В общежитии, – ответила Лена. – Правда, для платников оно стоит денег, но там копейки.

– Ага, копейки, – раздражённо повторил отец, – для кого копейки, а для кого и нет.

– А на что ты будешь жить? Надо же еду покупать, за проезд платить, – задала вопрос мама.

– Ну, я думаю, вы не бросите меня в трудную минуту, – постаралась улыбнуться девушка, стыдясь своей прямооты.

– Ха! – наигранно-возмущённо выдохнул отец и скрестил руки на груди. Но тоже ничего не ответил, потому что и это была правда.

Снова наступила пауза.

– Ладно, давай завтра всё решим, – совсем смягчился отец, – утро вечера мудренее. Откуда хоть такие амбиции взялись, непонятно, – горько усмехнулся Алексей Михайлович и проницательно заглянул в глаза дочери, пытаясь понять истинную причину такого стремления.

Он догадывался, что, видимо, излишняя забота и их опека, а вследствие этого однообразная, размеренная и скучная жизнь сыграли с ними столь злую шутку, и сейчас Лене захотелось вырваться на волю из крепких родительских объятий.

* * *

Лена ждала следующего дня, как приговора. Шутка ли, ведь решалось её будущее. Конечно, в ответ на возможное

несогласие отца она могла бы просто сбежать, но к такому безрассудству девушка не была склонна, ей обязательно нужно было получить заветное родительское благословение, чтобы со спокойной душой, с поддержкой близких превращать мечту в реальность.

Ночью Лена спала мало, чувствуя нависшую, словно дамоклов меч, угрозу, как ей казалось, счастью. Но при всём при этом она даже и мысли не допускала, чтобы остаться.

Утром стало понятно, что отец с матерью тоже плохо спали. Припухшие веки, несколько покрасневшие нос и верхняя губа мамы говорили о долгих слезах бессонной ночи, а отец часто потирал и без того красные глаза и как-то медленно моргал. Какие муки вынесли эти любящие родительские сердца, можно было только догадываться. Алексей Михайлович подозвал Лену и спросил, не переменяла ли она своего решения. Получив отрицательный ответ, задумчиво погладил себя по затылку, вздохнул и всё-таки дал своё согласие, пообещав поддержать дочь во всех её самостоятельных начинаниях. Он понял, что идти наперекор – только настраивать дочь против себя и, возможно, навсегда потерять её доверие, поэтому скрепя сердце и тайно надеясь, что её затея не найдёт успеха, он был вынужден пойти на уступки.

У Лены это обстоятельство вызвало бурю эмоций. Просив, она бросилась целовать расстроенных отца и мать.

Теперь дело оставалось за малым и всё зависело только от неё самой.

Наконец прозвенел долгожданный и немного пугающий последний звонок, напоминающий, что школьные годы позади. Одиннадцать лет промчались незаметно. И вот наша героиня стала выпускницей средней школы. Приложенные усилия дали свои плоды – результаты ЕГЭ позволили замахнуться на МГУ.

В конце июня Лена с отцом, ни за что не захотевшим отпускать дочь одну, отправилась в столицу подавать документы.

Лето того года было невероятно жарким. Особенно это чувствовалось в Москве. Стоящий над городом серо-розовый смог, словно крышкой, сверху накрывал горячий солнечный пар, исходивший от чёрного плавящегося асфальта, стеклянных витрин и отражающих свет стен и стёкол домов и новомодных небоскрёбов, нелепо смотревшихся среди архитектурно талантливых и величавых зданий прошлых времён. Москва напоминала большую кастрюлю, поставленную на медленный огонь, в которой изнеможённые москвичи и гости столицы томились, как хорошо выпаренные зелёные щи.

Лена и Алексей Михайлович с облегчением спустились в прохладное подземелье метрополитена, где так приятно пахло жжёной резиной и куда не могли проникнуть назой-

ливые лучи жаркого солнца.

Они быстро и беспрепятственно добрались до нужного места, и, уже идя по улице в направлении университета, Лена завидела блестящий шпиль заветного вуза, и сердце от радости подскочило к горлу. Она ускорила шаг, ноги сами несли её туда. Отец еле поспевал за девушкой, окрылённой мечтой и потому передвигавшейся легко и быстро. Когда здание университета предстало перед ними во всей своей величественной красе, у Лены неожиданно вырвалось:

– Ва-а-у, – шёпотом протянула она, и её глаза расширились.

Поднимаясь по ступенькам вуза мечты, Лена почувствовала, как её охватило радостное и волнительное ощущение предвкушения приближающегося будущего, о котором она так долго грезила. Лена открыла высокую дверь с классической для таких заведений массивной ручкой. Из огромного холла пахло свежестью и прохладой. Тут ей на миг показалось, что это был не просто ветерок, а дуновение чего-то нового и неизвестного, освежающего не только её тело, но и душу, уставшую от однообразия наскучившего родового гнезда и надоевшей провинции.

Она так высоко задрала голову вверх, пытаясь жадно охватить взглядом всё вокруг, что случайно с кем-то столкнулась. Её обдало приятным ароматом мужских духов. Но, не обратив внимания на этого потерпевшего и не извинившись, она направилась дальше, заворожённо осматриваясь по сто-

ронам.

«Боже! Вот это махина!» – думала девушка, вглядываясь в высокие потолки просторного коридора. Да, это была махина: основательное здание, поражающее своей величественностью и красотой, сокровищница недюжинных знаний и больших возможностей. Внутри царил дух мудрости и истории. Мурашки пробежали по Лениной коже от осознания того, что именно здесь когда-то учились, влюблялись, бунтовали, радовались и негодовали великие люди прошлого и настоящего времени. И теперь, пройдя сквозь века, этот вуз по-прежнему принимает в свои объятия талантливых и амбициозных молодых людей, которые способны не только оставить след в истории России, но и перевернуть её. Конечно, Лена не приравнивала себя к их числу, однако прикоснуться к такой возможности хотелось бы, наверное, каждому.

Она буквально трепетала перед всем, что видела. Пока девушка шла по коридору по направлению к кабинету приёмной комиссии, ей вдруг до слёз захотелось тут остаться, и мысль о том, что её надежды могут не оправдаться, пугала и удручала.

Всё запланированное было сделано, и Лена с щемящей тоской покидала стены заветного университета. Она была одновременно и счастлива, и озабочена тем, сколько же ей придётся ещё пройти, чтобы эти стены стали для неё родными. И Лена была готова бороться и идти до конца, толь-

ко бы добиться желаемого. Как раз тогда Алексей Михайлович, до последнего лелеявший надежду, что она отступится от этой безумной, на его взгляд, идеи, заметил в глазах своей дочери особую перемену, произошедшую с ней за этот день. Будто в них загорелся какой-то ещё незнакомый ему огонёк, и стало понятно, что они, её родители, которые долгое время были важнее всего в её жизни, уходят на второй план и должны занять место позади неё, освобождая ей путь.

* * *

Прошло около месяца. Пора было ехать сдавать первый вступительный экзамен. Начались утомительные сборы. Сумки, одежда, бельё, разбросанное по квартире, книги, тетради, хлопотливая беготня, оханье мамы и угрюмое молчание папы, со стороны наблюдавшего за царившей суматохой.

Наталья Александровна сама принялась укладывать чемодан, одновременно рассказывая дочери, где что лежит. Но от волнения она собрала такую непосильную ношу, что Лена даже не смогла сдвинуть чемодан с места. Тогда девушка достала со шкафа небольшой кожаный чёрного цвета рюкзачок, смахнула с него пыль влажной тряпкой и переложила туда всё самое необходимое для недельного проживания в чужом городе.

Лена отправилась в Москву за день до начала экзаменов, чтобы успеть немного осмотреться и освоиться. Ей предсто-

яло ехать в столицу на поезде, так как у Алексея Михайловича, помимо больного сердца, была ещё и больная спина. Как назло, именно в нужный момент она его и подвела, так что он не смог сесть за руль.

Ясным июльским утром в семь часов по местному времени Лена садилась в фирменный поезд Ярославль – Москва. Робкое солнце медленно вставало с востока, неся за собой убийственную духоту, постепенно поглощающую на своём пути прохладную влагу утреннего тумана. Бледно-розовый горизонт был чист, небо ясно, а солнечные лучи не светили ещё так ярко и не слепили глаза. С каждым мгновением краски горизонта становились всё гуще и гуще, наливаясь мягко-жёлтым цветом вселенского светила, чьи лучи, словно щупальца, скользили по крышам низеньких пятиэтажек, по оштукатуренным стенам вокзального здания, косые тени которых ложились на железнодорожную платформу, где кучками теснились провожающие и отбывающие в столицу.

Лена была в странном романтическом настроении, чему способствовала вокзальная атмосфера. Она старалась не думать о предстоящих экзаменах, поэтому не нервничала, что придавало ей уверенности. Родители же, напротив, погрузтели, и, казалось, даже постарели. Лица их потемнели, щёки вытянулись, морщины стали заметнее и глубже. Глаза матери были на мокром месте, но она стойко держалась, чтобы не расплакаться, поэтому неестественно много улыбалась. Отец морщил лоб, и две заметные продольные морщины,

сильно выделявшиеся на его напряжённом и печальном лице, выражали глубокую задумчивость. Алексей Михайлович, несмотря на больную спину, всё-таки хотел было поехать с дочерью, чтобы помочь разместиться в гостинице, но она наотрез отказалась, парируя уговоры отца тем, что она не маленькая девочка и всё хочет сделать сама, да и багаж был весьма невелик.

Проводница, высокая, с неказистой фигурой светловолосая женщина с ярко накрашенными губами и тугими кудрями, одетая в хорошо выглаженную синюю форму и белоснежную блузку, громко объявила о посадке, попросила провожающих выйти и демонстративно встала у двери вагона. Девушка расцеловала родителей, желавших ей удачи, спешно попрощалась и заторопилась на своё место.

Через несколько секунд электричка, шипя тормозами, тихо выдохнула, судорожно дёрнулась вперёд и быстро начала набирать ход. В окне, куда уставилась Лена, тоже всё словно покачнулось и зашевелилось. Всё быстрее и быстрее бежали дома, знакомые и родные улицы, площади; вот поезд проехал мимо заводов и фабрик, расположенных на окраине города, и спустя минут десять уже стремительно мчался по перелеску, сквозь который виднелись пригородные частные дома и дачи. Потом населённые пункты стали встречаться всё реже и реже, и картина за окном сменилась зелёными, кое-где засаженными пшеницей и овсом полями и густым ельником.

Лена благополучно прибыла в столицу и около полудня уже стояла на платформе Ярославского вокзала, сосредоточенно рассматривая схему метрополитена в приложении телефона. Оказавшись в одноместном номере гостиницы, заблаговременно забронированном её отцом, девушка радостно подскочила к окну и окинула восторженным взглядом видневшийся из него городской пейзаж. Незнакомые дома, улицы были какими-то родными и близкими. Приятное чувство новизны тихо пульсировало в венах в такт биению её взволнованного сердца, и хотелось всем улыбаться.

Лена влюбилась в Москву ещё в детстве, когда поехала туда первый раз. Ей тогда было лет двенадцать. Отец решил свозить всё семейство в столицу на три дня, чтобы посетить исторические места и просто погулять. Пока они находились в городе, маленькая девочка была под большим впечатлением от увиденного. Москва покорила её раз и навсегда.

Оцинкованные железные крыши домов поблёскивали в ярком солнечном свете, над ними величаво возвышалась Останкинская телебашня. Прямые и изогнутые улицы, узкие переулки, манящие своей таинственностью, старинные мостовые, романтические парки, утопающие в густой зелени, изумительного мастерства архитектура московских зданий, необычные фонтаны, современные торговые центры, изящ-

ный дизайн витрин многочисленных магазинов, изобилие шикарных машин и сидящие в них мужчины и женщины, от которых глаз невозможно было оторвать, и многое, многое другое, до чего ещё не дошла провинция, отставая от столицы ровно на одну, никогда не достижимую, ступень, – вся эта мощь завораживала и звала за собой окунуться с головой в дивный новый мир.

Немного отдохнув и размявшись после дороги, Лена разобрала вещи и начала готовиться к завтрашнему экзамену. Сначала её ожидала проверка знаний по русскому языку и литературе. За полтора часа нужно было написать сочинение. Девушка в очередной раз повторила все правила русского языка, даже на всякий случай составила шпаргалку и освежила в памяти содержание классических произведений, перелистав краткий сборник. Периодически на неё накатывали страх и волнение, надо сказать, плохо контролируемые. В голове вертелся один вопрос: «Что же делать, если провалю экзамен?» Возвращаться обратно жуть как не хотелось. Но, чтобы зря не нервничать, она тут же отбрасывала эту тревожную мысль, с силой жмуря глаза и быстро мотая головой. Ночь она провела в какой-то беспокойной полудрёме, постоянно ворочалась и просыпалась каждые два часа, боясь проспать и не услышать заветного сигнала будильника.

Наутро, встав с гудящей головой за полчаса до звонка будильника, она судорожно начала собираться. Успокоиться не получалось. Сердце бешено колотилось, руки не слуша-

лись. До выхода оставался час, но ждать уже не было сил, волнение её так и подхватывало и несло в университет. В пути эмоции немного поутихли, все мысли были заняты другим – как бы не заблудиться. Надо сказать, что ездить на метро девушка боялась, её пугали не очень понятная схема, необходимость быстро передвигаться и сумасшедший поток людей, который того и гляди мог сбить с ног или утянуть за собой в другом направлении. Сосредоточившись на дороге, Лена незаметно для себя быстро и благополучно доехала до нужной станции. Но на подходе к вузу прежнее волнение снова охватило её.

Несмотря на ранний час, на ступеньках уже толпились абитуриенты, желающие стать студентами МГУ. Лена прошла мимо волнующейся толпы и потянула на себя массивную дверь. Минувя холл и поднявшись на второй этаж, отыскала дверь, на которой было написано «Приёмная комиссия юридического факультета». Народу там пока было немного, и ей удалось сесть на одну из лавок, поставленных специально для удобства поступающих. Последовав примеру других, Лена тоже достала учебник из рюкзака и уже в сотый раз начала перечитывать материал, но на этот раз безуспешно. Память наотрез отказывалась работать, возникло ощущение, что всё напрочь позабыто. За эти полчаса, в течение которых Лена тупо смотрела в раскрытую книгу, она пережила все три стадии томительного ожидания: от безумного волнения, будто перед казнью, плавно переходящего в раздра-

жение, что обычно сопровождается мыслями вроде «Почему так долго?», «Поскорее бы всё закончилось», до полного безразличия и сонливого пофигизма. Пребывая как раз в последней, девушка закрыла учебник и начала осторожно рассматривать находящиеся рядом с ней абитуриентов, которых за это время значительно прибавилось. Были среди них и явно богатые, выделявшиеся не только своей качественной и дорогой одеждой, но и развязным поведением, громко разговаривавшие и смеявшиеся. Обычных, вроде Лены, было мало. Они стояли в сторонке в ожидании своей участи.

Около девяти часов среди абитуриентов послышался испуганно-подобострастный шёпот: «Идут, идут. Комиссия идёт». Они шумно расступились, освобождая проход приближающимся со стороны лестницы трём женщинам. Две из них были в возрасте. Высокие, худые, благородного вида и как две капли воды похожие друг на друга. Утончёнными были не только их движения, но и внешность. Узкий овал лица, тонкие брови, нос и губы, небольшие спокойные глаза, все черты были как будто одни на двоих.

Третья женщина на вид была лет тридцати пяти, полная, с длинными кудрявыми волосами, ярко накрашенная, с надменным и недовольным лицом, из-за чего казалась некрасивой. Она окинула всех собравшихся высокомерным взглядом и невольно остановилась на Лене.

«Ух, фурия», – подумала про себя девушка и бросила ей в спину такой же взгляд.

Преподаватели проследовали друг за другом в кабинет и закрыли за собой дверь. Абитуриенты по инерции устали в свои временно забытые книжки, но учить уже не осталось сил, и в коридоре наступила практически гробовая тишина. Это длилось недолго. Дверь широко отворилась, и всех пригласили на экзамен. Не спеша, шаркая ногами, экзаменуемые вошли внутрь и очутились в светлом и большом кабинете, рассчитанном человек на семьдесят. Парты располагались в виде амфитеатра, а внизу, посередине аудитории, за соединёнными тремя столами сидела приёмная комиссия.

Большинство сразу ринулось наверх, занимая лучшие места, подальше от глаз преподавателей, поэтому первые ряды оказались оголены. Алевтина Ивановна, одна из близняшек, требовательно, но вежливо попросила абитуриентов спуститься вниз, прибавив:

– Галёрка вас не спасёт, мы всё равно списывать никому не дадим.

Присутствующие словно зажалась и упорно продолжали сидеть на своих местах. Ей пришлось ещё раз, уже более настойчиво, повторить эту просьбу, после чего некоторые, неохотно передвигаясь, подчинились. Лена удобно расположилась в середине третьего ряда. Пока все рассаживались, в кабинет вошёл декан факультета, он же председатель приёмной комиссии, Вадим Анатольевич Руцкой. Это был статный худощавый седовласый мужчина с добрыми глазами. Его лицо было настолько светлым и добродушным, что Лена

даже засомневалась в его статусе строгого декана.

Эту должность он занимал давно и знал многих сейчас уже авторитетных людей и акул бизнеса, которые студентами бегали к нему решать свои проблемы. Его любили за умение всегда и во всём найти компромисс, не доводя дела до точки кипения. Но занимаемый пост иногда требовал от него жёстких и решительных действий, и тогда доброго декана было не узнать. Он превращался в строгого начальника, непоколебимого в своих действиях, и за это умение перевоплощаться все без исключения уважали его и немного боялись.

Члены комиссии представились и попросили убрать посторонние предметы с парт, оставить только тетради и ручки. Начался экзамен. Выбрав тему, Лена не торопясь приступила к работе, излагая свои мысли сначала на черновике. Всё её волнение странным образом куда-то делось, и она спокойно водила ручкой по листку, практически ничего не исправляя.

Прошло около сорока минут, когда в кабинет вошёл стройный молодой мужчина лет тридцати с очень привлекательным интеллигентным лицом, довольно высокий. Одет он был в чёрный деловой костюм и белую рубашку с чёрным узким галстуком. Это был Александр Вадимович Лужнин, преподаватель факультета психологии, которого пригласили в качестве наблюдателя. У юристов он вёл юридическую психологию на последнем курсе. Он подошёл к своим коллегам, которые заметно оживились. Женщины мило заулыбались, а декан приветствовал его крепким рукопожатием. Ручкой

встал и предложил ему своё место, после чего вышел и больше не возвращался.

Экзамен подходил к концу, и все уже давно трудились над переписыванием сочинения в чистовик, что требовало большого внимания и сосредоточенности. Наша героиня начала торопиться и нервничать. Её щёки покраснелись, уши горели, а ладони вспотели.

Когда всё закончилось и работы были сданы, она, уставшая и с дикой головной болью, наконец отправилась в гостиницу. Теперь предстояло пережить долгое и мучительное ожидание своей участи, прислушиваясь к интуиции и ища в себе ответ на терзающий вопрос: «Поступила ли?»

* * *

На следующий день Лена, волнуясь, отправилась в университет за результатами. Там её ждала плохая новость. Подойдя к спискам, висевшим в холле и кое-как пробившись сквозь толпу, она увидела напротив своей фамилии цифру четыре. У неё так всё и опустилось внутри. На бюджетное отделение уже не попала. Никогда в жизни оценка «четыре» не казалась Лене такой унижительной, как в тот момент. Девушка ещё немного постояла у стенда и поплелась обратно в гостиницу, свыкаясь с грустными мыслями о невозможности попасть на бюджетное обучение.

Второй экзамен нужно было сдать не ниже, чем на пять,

чтобы поступить хотя бы на платное отделение, в противном случае с мечтой придётся распрощаться. Вечером девушка позвонила отцу и всё рассказала. Он долго убеждал её вернуться домой, но она была непреклонна и решительно сказала, что пойдёт до конца. Алексей Михайлович спорить не стал и пожелал ей удачи. Лена, погрузив и немного пожалев себя, начала готовиться к следующему испытанию, до которого оставалось три дня.

Как раз в день экзамена жара, терзающая центральную часть нашей страны уже более месяца, немного отступила, освобождая место циклону, принесшему за собой в Москву холодный и порывистый ветер, который быстро гнал по ясному небу рваные, отстающие друг от друга на внушительное расстояние, серые облака, не позволяя им собраться в одну большую дождевую тучу. Солнце ярко светило сквозь эти разрывы и по-прежнему горячо согревало землю.

Лена набросила на плечи тонкую джинсовую ветровку и поехала в университет.

Там она села на стул напротив всё того же кабинета приёмной комиссии и по привычке, чтобы сгладить неловкость, находясь в кругу чужих людей, сделала вид, будто читает. Минут через десять подошли уже знакомые близнецы из комиссии – Изотова и Молотова, за ними практически сразу последовали декан и Лужнин. Все застыли в ожидании, что кто-нибудь выйдет и позовёт первую пятёрку поступающих, но экзамен не начинался. Вдруг во внезапно возникшей

тишине раздались лёгкие шаги и мужской голос, приятный тембр которого невольно вызвал у Лены интерес к его обладателю, сказал:

– Да! Я знаю, опоздал. Я уже на месте.

Сообщив это в телефонную трубку, мужчина буквально влетел в коридор и быстрыми бесшумными шагами направился к приёмной. Лена уставилась на него во все глаза. Лет тридцати, высокий, с красивой атлетичной фигурой, элегантно и дорого одетый в светлый летний костюм и такого же цвета ботинки из мягкой кожи, он сиял европейским лоском и притягивал всеобщее внимание. Ворот светло-розовой рубашки, видневшийся из-под распахнутого приталенного пиджака, был расстёгнут и придавал ему непринуждённый вид. Когда мужчина прошёл мимо впечатлённых им девушек, которые не сводили с него глаз, всех обдало тонким ароматом его парфюма.

Хорошо рассмотреть лицо мужчины Лена не успела, он загоразживал его рукой, в которой держал сотовый телефон. Только лишь успела заметить гладко выбритый подбородок и блеск чёрных, слегка кудрявящихся волос.

«Надо же, какой...» – пронеслось в голове у Лены, и внутри словно что-то шевельнулось.

После того, как *загадочный* мужчина скрылся за дверью кабинета, в коридоре слышались девичьи шептанья и хихиканье. Этим преподавателем явно заинтересовалась не только Лена.

Наконец Алевтина Ивановна позвала на экзамен первых пятерых человек. Желаящих оказалось немного, и Лена решила пойти в их числе. После подготовки ответа на билет у неё ещё осталось время оглядеться. Она откинулась назад и стала осматриваться вокруг, украдкой кидая взгляды на того симпатичного мужчину. Он сидел с левого края стола, повернувшись к окну, так что она снова не могла разглядеть его лица, и шептался о чём-то с Лужниным.

Отвечающие потихоньку стали сменять друг друга, так дошла очередь и до Лены. Она села на единственный стул, стоящий прямо перед деканом, и начала отвечать. Временами девушка поглядывала в сторону заинтересовавшего её мужчины в надежде разглядеть его лицо, но в этот раз преподаватель сидел, уткнувшись в какие-то документы. Совсем отчаявшись, но предприняв последнюю попытку, Лена повернулась в его сторону. Теперь он смотрел прямо на неё.

На несколько секунд она забыла, что хотела сказать, и замолчала, не в силах отвести взгляд. Она смотрела прямо в его большие, несколько насмешливые сине-искрящегося цвета глаза, ей понравились прямой нос, соблазнительный изгиб бледно-розовых губ и красивая линия чёрных бровей, которые слегка нахмурились в ожидании ответа. Лена никогда не видела таких красивых людей, разве что только в кино. Но он не был похож на тех слащавых щёголей с ярких глянцевого обложки дорогих журналов, его внешность была мужественной и даже немного грубоватой. В его лице не было ни-

чего, что бы ей не понравилось. Оно было прекрасно. Сидящий рядом Лужнин заметил эту возникшую паузу и посмотрел на Лену. Увидев, куда направлен её восхищённый взгляд, он с улыбкой что-то шепнул своему соседу на ухо. Тот никак не отреагировал и продолжал молча смотреть на неё. Поняв всю неловкость ситуации, Лена, густо покраснев, быстро опустила глаза и продолжила свою речь, но язык заплетался, слова застревали в горле, а мысли разбегались. Так что она была не в восторге от своего ответа на экзамене. Уходя, она больше не смотрела в их сторону, Лене казалось, что преподаватели смеются над ней.

* * *

Судьба решалась завтра, а сегодня Лене не хотелось думать о результатах экзаменов и своём будущем. Уже поздно было нервничать, покрываясь потом, и хвататься за голову, сетуя на какие-то неудачи и ошибки. Да и сил на это уже не осталось. На смену тревоге, пережитой загодя, ещё до сдачи экзаменов, пришли наплевательское безразличие и готовность принять любой удар судьбы.

Лена отправилась гулять по любимой Москве, что из-за прежней загруженности раньше ей никак не удавалось. За эти четыре дня девушка стала потихоньку привыкать к пугающему её метро и решила, что пойдёт куда глаза глядят.

Активно вертя головой по сторонам, она жадно рассматривала всё вокруг, будто боялась что-то упустить. Пройдя по набережной Москвы-реки и поднявшись вверх по Васильевскому спуску, Лена очутилась на Красной площади. Раньше она казалась ей куда больше. Дойдя до Лобного места, она повернулась и немного постояла около памятника Минину и Пожарскому. Тут куранты глухим, но громким раскатом пробили два часа. Прервав своё любование историческим местом, девушка с удовольствием продолжила осмотр достопримечательностей столицы.

В итоге предпочтя ГУМ всем культурным объектам, Лена направилась туда. Потом, устав ходить по бессчётным бутикам душного магазина, она вышла на свежий воздух и, плутая по узким московским улочкам, идущим то вниз, то вверх, каким-то образом попала на Манежную площадь, а там снова вернулась к Кремлю, только со стороны Александровского сада. Лена в романтическом настроении села на лавку в глубине сада и стала наслаждаться звонким пением птиц, которые выводили свои трели высоко над головой в ветвях раскидистых многолетних деревьев, переживших не одно историческое поколение и верно хранивших в своих кронах секреты политических интриг и не разгаданные до сих пор государственные тайны. Эта идиллия, выражавшаяся в благозвучном шелесте тоненьких листьев и непрерывном покачивании полупрозрачных теней, падавших с купола плотно сомкнутых ветвей, подсвеченных июль-

ским солнцем, иногда прерывалась гулкими сигналами городских автомобилей.

Казалось, Лена совсем забыла о своём городе, своих родных и вообще о всей прошлой жизни, будто этого никогда и не было, а существовал только настоящий момент, она и Москва! Как не хотелось ей уезжать! Почувствовав щемящую тоску, комом застрявшую в области груди, девушка грустно вздохнула.

– В Москве живут миллионы людей. Надо же, я не одна из них, – тихо сказала она вслух.

Волнение сразу охватило её и легло на сердце тяжёлым камнем. В голове мелькали абсолютно безрадостные картинки возможного провала экзаменов, печальное возвращение домой, радостные возгласы отца: «Я же говорил, нечего тебе туда соваться», утешение мамы, навязчивое ощущение стыда за своё поражение и безвозвратно угасшая надежда. Тяжело жить в городе, где всё на тебя давит и сжимает со всех сторон; когда безразличие к родному краю обуревают до такой степени, что даже становится лень выйти на улицу. А как до жути тоскливо заглядываться на горизонт, зовущий куда-то далеко-далеко...

Часов в семь, когда солнце уже стало садиться и его косые лучи всё больше и больше утрачивали свою теплоту, Лена в совершенно пессимистическом настрое поплелась домой, то есть в гостиницу. Сидя в метро и шагая по улице, она с тоской вглядывалась в лица прохожих, которые озабочен-

но спешили домой, и тихо завидовала им, снова задаваясь бессмысленным вопросом, почему она не одна из них.

Лена продолжала терзать себя этим вопросом, уже лёжа в постели, но недолго – после утомительной прогулки по Москве девушка быстро заснула крепким и сладким сном.

* * *

Наступивший судьбоносный день с самого утра порадовал погодой. Ветер стих ещё со вчерашнего вечера, а на небе не было ни единого облачка, и пронзительная бирюза ярко разливалась по окрестностям города.

Девушка, пока ехала в университет, представляла себе разные варианты развития событий и морально готовила себя к тому, что все её надежды и мечты могут рухнуть. Лену бросало то в жар, то в холод.

Войдя в холл, она вдруг неожиданно для самой себя встала как вкопанная. Волнение с новой силой охватило её, ноги стали ватными, а в горле пересохло. Со стороны стенда со списками, где толпилось много молодых людей, доносились то радостные возгласы, то вздохи разочарования.

«Списки поступивших», – подумала Лена. И, глубоко вздохнув, словно решаясь на какой-то ответственный и важный поступок, направилась сначала туда, а уже потом к результатам последнего экзамена. По пути ей встретилась де-

вушка с красными от слёз глазами и шмыгающим носом, она прижимала уже сырой платок к губам. У Лены ком встал в горле от мысли, что, возможно, её ждёт та же участь. Пробравшись сквозь толпу взволнованных юношей и девушек, она отыскивала свой факультет и беглым взглядом начала искать свою фамилию. Но не нашла её. Она почувствовала, как конечности холодеют, мелкая дрожь страха пробежала по всему телу, дыхание участилось, и сердце яростно забилось уже где-то в области сонной артерии. Шум, издаваемый толпой, для неё неожиданно стих, и, не замечая никого и ничего вокруг, она, теряя надежду и не веря своим глазам, всё вновь и вновь обращалась к списку, просматривая его от начала до конца. Но приговор был вынесен! Лена не набрала нужный балл.

Оглушённая провалом, девушка некоторое время пребывала в растерянности и не могла пошевелить ни ногой, ни рукой, но, заставив себя очнуться, подошла к другому списку, чтобы напоследок узнать результат экзамена.

Увидев четвёрку рядом со своей фамилией, Лена с горечью усмехнулась. Один балл... Какой-то один балл! Захотелось плакать... Но вдруг рядом с этим списком она увидела объявление о новом пороге для поступления на платное отделение. Лена судорожно начала считать свой суммарный балл с учётом результатов ЕГЭ и двух сданных здесь экзаменов.

Сердце вдруг радостно подскочило! Баллов было доста-

точно! Лена пересчитала ещё раз. Да, без всяких сомнений! Она поступила!

Лена возвела глаза к потолку и мысленно перекрестилась. У неё не было сил радоваться как-то иначе.

Все формальности были улажены, деньги внесены, договор подписан, и Лена всё-таки стала почётным студентом МГУ. Держа в руках листок бумаги с текстом договора на обучение, заключённым на энную сумму, она вместо того, чтобы радоваться, чувствовала себя опустошённой и совершенно разбитой. Несмотря на то, что цель была достигнута, результат не принёс ей никакого удовлетворения. Стало вдруг как-то тоскливо, и очень захотелось домой.

* * *

Оставшийся месяц лета пролетел незаметно, и в конце августа на улице уже стоял запах осени. Палящее солнце летнего зноя не оставило за собой ни единого оазиса свежей зелени на деревьях или земле. Все листья приобрели пыльный темно-зелёный оттенок с жёлтыми и красными пятнами. Срывающий сожжённые иссушенные листья ветер бросал их под ноги прохожим и словно метлой гнал по дороге, забивая под обочины. Всё чаще и чаще небо затягивалось унылыми тучами, проливая на город прохладный морозящий дождь, который порой сопровождался по-настоящему осенним порывистым ветром, пронизывающим до костей. Но лето не хо-

тело сдавать свои позиции, и иногда погода радовала ярким солнцем, обманчиво заставляя снимать пиджаки и кофты. Особенно приближение осени чувствовалось по суете, царившей в магазинах. Готовясь к новому учебному году, дети, их родители, а также помогающие им бабушки и дедушки, создавая очереди, толпились возле прилавков с различными учебными пособиями и принадлежностями, а девочки-подростки выбирали себе наряды на первое сентября, чтобы поразить своих завистливых подруг и очаровать мальчиков-одноклассников. Только студенты выглядели несколько потерянными, не веря, что их каникулы так быстро закончились.

От Лениного печального настроения, с которым она покидала столицу месяц назад, не осталось ни следа. За это время она успела соскучиться по Москве, постоянно сравнивая реалии жизни своего города и столицы, всё больше и больше убеждаясь в правильности своего решения.

На этот раз забот было больше, чемодан толще, а прощание – дольше и тяжелее. Надо сказать, погода выдалась соответствующая. Небо было затянуто серыми плотными тучами, тоскливо тянувшимися с северо-запада. Они, медленно передвигаясь, давили своей мрачностью и бесконечностью. Оставляя на лице холодные капельки влаги, в воздухе прозрачной пеленой стояла мелкая изморось, от которой нельзя было скрыться даже под зонтом. Резкий ветер нещадно трепал жёлто-рыжие листья, ведущие упорную борьбу со стихией, чтобы не быть сброшенными в грязную гладь луж.

Отец повёз Лену в столицу на машине. Он был угрюм и всю дорогу молчал, задаваясь одним только вопросом: «Что же он такое делает?» Он, глава семьи, позволил своей единственной и ненаглядной дочери, этому маленькому и неопытному существу, уехать в самое пекло страстей и порочных соблазнов, к тому же он сам везет её в чужой город, всё скорее и скорее приближая горькую разлуку. Мама тоже попросилась проводить дочь и сидела рядом с Леной на заднем сиденье. Но она держалась стойко и не давала воли эмоциям. Наталья Александровна редко плакала, а при людях, будь это муж или подруга, вообще никогда. И не потому, что не было причин (у каждого хоть даже раз в жизни болит душа), просто не любила показывать свою слабость. Дочь тоже никогда не видела её слез. Нет, было один раз, в глубоком детстве. Однажды, неожиданно для мамы войдя на кухню, она увидела, как та плачет. Пятилетняя Леночка в тот же миг застыла в оцепенении, а через несколько секунд, очнувшись, в испуге убежала в комнату. Что же с ней тогда творилось! Девочка была готова разрыдаться сама. Причину она, конечно же, не знала, но беззаботный и прочный мир для неё рухнул. У неё не укладывалось в голове, как это так, самый сильный человек на земле и вдруг плачет, не жалеет, а сам плачет. А кто же тогда защитит её? И с тех пор Лена стала бояться маминых слёз, чтобы вдруг снова не ощутить то неприятное чувство незащищённости.

Доехав до Москвы почти в полной и напряжённой тиши-

не, они оказались у порога университетского общежития, находившегося неподалёку от учебного корпуса. Лена хотела было попросить родителей не подниматься наверх, но у неё не хватило сил так беспощадно поступить с ними. Алексей Михайлович помог донести вещи до Лениной комнаты и, войдя в помещение, осмотрел будущее жилище своей дочери. Комната находилась на пятом этаже и была рассчитана на трёх человек. Лена, заселившись первой, выбрала самое удобное место. Там было довольно тесно, но зато имелись собственный туалет и душ. Единственное, но большое окно выходило на оживлённую улицу с автобусной остановкой и станцией метро.

– Ну, для скромных студентов сойдёт, – не переставая оглядываться по сторонам, произнёс отец. – Может, ещё передумаешь? – с надеждой вдруг спросил он.

– Папа, – с укором произнесла Лена. – Я уже всё решила.

– Да я шучу. Ладно, надо ехать. Пойдём, проводишь нас до машины.

Уже внизу Лена скрепя сердце обняла родителей и с болью, кусая себя за нижнюю губу, чтобы не расплакаться, поторопилась с ними распрощаться. Уже почти у дверей общежития она вдруг не выдержала и обернулась. А они так и продолжали стоять на месте и смотрели ей вслед. Лена вдруг заметила перемену, произошедшую с мамой. Та побледнела, брови странным образом изогнулись, узкие плечи опустились. Хотя расстояние было ещё довольно неболь-

шим, лиц родителей уже нельзя было разглядеть, но Лене казалось, что она видит, снова видит, как её мама плачет. Во второй раз. Только сейчас всё было по-другому, ощущения не были такими сильными, как тогда, в детстве, да и причина была понятна – причиной была она сама, Лена. Ведь Наталья Александровна понимала, что дочь уезжает не на год, не на пять лет, а навсегда.

* * *

Смутные и неопределённые чувства не покидали и Лену. Радость от долгожданного переезда была смазана подавленным настроением, возникшим после душещипательного расставания с родителями, но всё-таки она ни о чём не жалела. Девушка убедила себя, что поступает правильно, и её постепенно перестала терзать совесть.

Ночь она провела одна, к ней так никого и не поселили. Зато утро следующего дня полностью это компенсировало. Проснувшись от громкого стука в дверь, девушка буквально соскочила с кровати, не понимая, где она находится. Придя в себя, Лена протёрла глаза и прислушалась. Никакого стука не было слышно.

«Может, показалось?» – подумала она, но всё-таки на всякий случай открыла дверь и вздрогнула от неожиданности. Перед ней стояла девушка с дорожными сумками, которые из-за её маленького роста казались просто огромными. Или

наоборот.

– Извини, я тебя разбудила? – спросила девушка и втащи-
ла сумки в комнату.

– Ничего страшного, – ответила Лена и посмотрела на ча-
сы – было пять утра.

– Меня зовут Марина.

– А меня Лена.

– Я только с дороги. Самолёт из Краснодара прилетает ра-
но утром, поэтому пришлось тут всех побеспокоить.

– Ты из Краснодара? Далеко, – поддержала разговор Лена.

– Это так кажется. Какая-то тысяча километров, – отве-
тила она и приятно улыбнулась, от чего у неё на щеках по-
явились милые ямочки.

Марина Круглова с первого взгляда произвела на Лену хо-
рошее впечатление. Несмотря на маленький рост, чуть вы-
ше метра пятидесяти, и коренастое телосложение, она имела
стройную и подтянутую фигуру. Густые светлые волосы бы-
ли коротко острижены – довольно опрометчивое решение,
поскольку это лишь подчёркивало полноту её шарообразно-
го лица, на котором белел прямой, но несколько низковатый
лоб, а несоразмерно маленький носик, утолщённый книзу,
красивой линией соединялся с верхней пухлой губой, кокет-
ливо загнутой кверху. В маленьком подбородке замечалась
некоторая детскость, что делало милыми неярко выражен-
ные черты лица. Небольшие голубые глаза выражали привет-
ливость и даже некоторую наивность. Марина была вежли-

вая и культурная девушка, чьё обаяние сразу расположило к ней Лену, и между ними возникла приятельская симпатия.

Девушка устроилась на кровати, находящейся напротив кровати Лены, и, устало сев на синее покрывало, накинутое на голый матрас, театрально выдохнула, смешно уставившись на свои тяжеленные дорожные тюки.

Не прошло и минуты, как дверь снова распахнулась и на пороге появилась ещё одна жительница. Она была полной противоположностью Марины, по крайней мере, во внешности. Высокого роста, худощавая, с чёрными длинными вьющимися волосами и крупными светлыми глазами, весело смотревшими из-под изящно изогнутых чёрных бровей. Особенно ярко выглядели подкрашенные губы алого цвета и покрасневшие от активных движений щёки. Одним словом, красавица! Девушка широко улыбнулась, оголив свои белоснежные ровные зубы, и, прерывисто дыша, спросила:

– Можно к вам? Я Оля.

Девушки поочерёдно представились.

Поведение и голос их новой соседки показались студентам несколько манерными, что вызвало у них невольную улыбку. К счастью, Ольга не заметила этого, потому что была занята своими сумками и осмотром доставшегося ей самого неудобного места, расположенного ближе к двери. Она пощупала матрас, сделав несколько сильных пружинистых движений пальцами, проверила, как работает дверь тумбоч-

ки, которая при открывании сильно скрипела, а при закрытии, громко хлопая, грозила прищемить пальцы. Оля поморщила нос и щёлкнула языком, но, смирившись со своим незавидным положением, начала активно разбирать вещи.

Девочки быстро нашли общий язык и проболтали всё утро.

Ольга приехала из Архангельска, где жила одна с мамой. Отца у неё не было. Он погиб на войне в Чечне и посмертно получил звание Героя России, чем невольно услужил своей дочери. По указу президента дети погибших военных имеют льготы на поступление в любой вуз страны. Пользуясь этим, девушка выбрала экономический факультет дневного отделения МГУ. Только жизненный вектор Ольги был направлен вовсе не на учёбу. Она не зря приехала в столицу, ей нужен был богатый муж, и, по её мнению, таких женихов в столице, а именно в этом университете, хоть отбавляй. Оля смело говорила о своих планах, ничуть не стесняясь.

– Я девушка красивая, умная, со мной не скучно, поэтому ждите, скоро приглашу на свадьбу, – говорила она и при этом громко смеялась, стараясь юмором сгладить свою самоуверенность.

В это поверить было несложно, на таких, как она, мужчины действительно падки.

Что касается Марины, то она тоже поступила на юридический и была однокурсницей Лены.

Девушки поужинали и ещё часа два проболтали, чтобы

поближе узнать друг друга. Спать легли рано, так как устали, да и выглядеть завтра нужно было хорошо – как-никак первое сентября, начало новой, неизведанной и прекрасной студенческой жизни.

Уже лёжа в своей постели, Лена вдруг вспомнила о понравившемся ей мужчине и тихонько улыбнулась себе. Она стала представлять его лицо, снова возвращаясь к моменту первой встречи. Но его образ был размыт, и виделся лишь силуэт. Она не помнила детали, она просто знала о них. Тут Лена почувствовала внезапную радость и волнение от того, что, возможно, завтра снова увидит его. Так, в приятных мыслях, Лена не заметила, как отключилась и уснула.

* * *

Около половины девятого девушки при полном параде подходили к зданию университета, где уже толпилось несметное количество студентов. Некоторые стояли кучками и что-то громко обсуждали, другие теснились в стороне и смущённо взирали на происходящее. Это были первокурсники. Стесняясь суеты и косых взглядов студентов, давно грызущих гранит науки, они, прячась за массивные колонны, скромно ожидали своего часа.

Публика там была самая разная. Костюмы, нарядные платья и блузки перемежались с джинсами, свитерами и кроссовками. Наши девушки предпочли одеться празднично –

для них это первое сентября было и началом нового жизненного витка, сулившего великие победы. Они хотели запомнить и отметить такой важный день.

В холле стоял страшный гул. Людей здесь было не меньше, чем на улице.

– Та-ак, – протянула Марина. – Ну и народу! Лен, пойдём посмотрим, где наша группа, – проявив удивительную бойкость, она схватила Лену за руку и потянула за собой.

– А я пойду к своей. Встретимся вечером! – крикнула им вслед Ольга и тоже смешалась с толпой.

С разных сторон слышались громкие выкрики, заглушаемые непрерывным галдежом озабоченных студентов. Девушки пытались разобрать хоть слово.

– Слышишь, вроде говорят: «Сто одиннадцатая группа, юристы». Так, это мы. Пойдём быстрее.

И Марина, по-прежнему крепко сжимая руку Лены, будто боясь потерять её и остаться одной, всех аккуратно отодвигая, направилась к лестнице, откуда слышался голос. Среди этой движущейся массы Лена неосознанно глазами искала его – очень осторожно, будто стесняясь собственных действий. Но не нашла. Девушка вдруг немного расстроилась, что, может быть, больше никогда не увидит столь заинтересовавшего её мужчину, отчего неожиданно для себя громко вздохнула.

– Ты что? – спросила Марина, резко повернувшись к ней, услышав вздох. – Тебе плохо?

– Нет. Всё нормально. Просто народу слишком много, – оправдалась Лена, грустнея на глазах.

– Мне тоже это не нравится, поскорее бы мы прошли в аудиторию, – поддержала её Марина и сморщила лоб.

Тут они увидели небольшую группу молодых людей, расположившихся наверху прямо посередине лестничного пролёта и загораживающих всем путь. В центре стояла пожилая женщина, в которой девушки узнали Альбину Ивановну Изотову, преподавателя из приёмной комиссии. Она что-то громко объясняла окружившим её студентам.

– Это сто одиннадцатая группа? – спросила Марина, подойдя к ним.

– Да-да. Подходите, – ответила женщина, призывно махая рукой, и вновь обратилась к толпе. – Повторяю ещё раз. Вы сейчас идёте за мной в актёрский зал и садитесь туда, куда я покажу. Потом...

– Алевтина Ивановна, извините, что перебиваю, – произнес чей-то до боли знакомый голос, прозвучавший прямо у Лены за спиной. Девушка оцепенела и боялась пошевелиться. Она узнала этот приятный тембр.

«Это его голос!» – пронеслось у неё в голове, и сердце радостно подскочило. Он стоял так близко, что Лена снова уловила уже знакомый запах его парфюма и тихонько носом втянула в себя этот вкусно пахнущий воздух, словно желая запомнить его навсегда.

– Извините, вы не знаете, где Александр Вадимович? –

вновь прозвучал тот же голос.

– Алексей Эдуардович, вы прошли мимо него. Он у вас за спиной, – быстро ответила пожилая женщина.

– Алексей Эдуардович, – мысленно повторила Лена. – Надо запомнить.

Он повернулся назад и увидел Лужнина, стоящего на несколько ступенек ниже и увлечённого беседой со своими коллегами.

– Ага, спасибо, – произнёс Алексей Эдуардович и слегка улыбнулся своей невнимательности.

Когда он отошёл, Лена замерла, бледнея, и повернула голову в его сторону. Спустившись вниз, он пожал руку Лужнину и другим собеседникам, вступив в разговор. Он был настолько близко, что Лена не преминула его с интересом разглядывать. Но Алексей Эдуардович стоял к ней спиной, поэтому она, как и в тот раз, снова не успела сразу рассмотреть его лицо. Зато Лужнин всё прекрасно видел и опять, как и тогда, заметив нежный взгляд Лены, направленный на его друга, предательски выдал её, что-то шепнув тому на ухо. После чего объект Лениных вздыханий повернулся, подняв свою чёрную бровь, осмотрел её с ног до головы и подмигнул, а Лужнин не переставал хитро улыбаться. Со смущённой улыбкой она отвернулась от них и густо покраснела. Марина, стоявшая рядом, с недоумением смотрела на Лену, которая то бледнела, то краснела, и, пожелав узнать, в чём дело, оглянулась назад.

– Теперь понятно, чего ты так нервничаешь, – тихо сказала Марина, пристально глядя на них.

Лена не произнесла ни слова, а только махнула рукой и нахмурила брови, делая знак, чтобы Марина прекратила так откровенно смотреть в их сторону.

– Ничего себе преподы, да? – обратилась она к Лене. – Я их ещё на экзаменах заметила. Тебе какой больше нравится?

Лена с укором посмотрела на Марину, надев на себя маску серьёзности, и закатила глаза, делая вид, что её вовсе не это интересует, но втайне радуясь долгожданной встрече с ним.

В этот момент группа двинулась в сторону актового зала, и девушки покорно последовали за остальными. Когда все уселись и двери закрылись, на сцене появились несколько дорого одетых мужчин и женщин. Это были основные преподаватели и главные лица администрации МГУ. Они расположились за небольшим столом, поставленным специально для них на той же самой сцене. От этой группы отделился мужчина невысокого роста, крепкий, но с большим животом, тщательно скрываемым за пиджаком, наглухо застёгнутым на все пуговицы. Он держался строже и важнее всех присутствующих на сцене. Это был ректор. Он вальяжно подошёл к стоящей посередине трибуне с российским гербом, мутно поблёскивающим, и, тихонько покашляв, начал перед аудиторией свою торжественную речь.

После ректор передал бразды правления собранием администратору, которая перешла к освещению организацион-

ных вопросов.

Как только официальная часть была окончена, студенты последовали за своими кураторами в аудиторию.

Группа, куда были зачислены Лена и Марина, под руководством Алевтины Ивановны поднялась на третий этаж и расположилась в триста шестнадцатой аудитории. Тут Лену, которой очень нравились классы в виде амфитеатров, ожидало небольшое разочарование. Рассчитывая учиться именно в таком помещении, она немного расстроилась, когда убедилась в обратном: их кабинет ничем не отличался от тех, что успели жутко надоесть девушке за одиннадцать лет школьной жизни. Помещение было рассчитано на человек тридцать пять. На стенах висели стенды с мудрыми изречениями, преимущественно из областей трудового и социального права, а над доской – современно оформленный плакат с Фемидой, богиней правосудия. Глаза её были завязаны, в одной руке – весы, символизирующие непосредственно суд, а в другой – меч, которым, собственно, и вершилось правосудие.

Девушки сели вместе, заняв вторую парту третьего ряда у двери.

– Итак, – громко и твёрдо произнесла Изотова, стараясь обратить на себя внимание студентов и давая им понять, что пора заканчивать приготовления к лекции. – Меня зовут Алевтина Ивановна Изотова, я ваш куратор и буду им на протяжении четырёх лет, на последнем курсе вас заберёт

к себе другой преподаватель.

Она сделала небольшое отступление, рассказав о своих требованиях к студентам, а затем начала лекцию.

* * *

Потянулись учебные будни. Каждый день девочки знакомились с новыми предметами и преподавателями. Первокурсники потихоньку начали втягиваться в неспешный учебный процесс. Лена очень серьёзно относилась к этому. Она усердно занималась, вникая во все нюансы, порой задавала необычные и каверзные вопросы, чем незамедлительно обратила на себя внимание куратора. Марина, глядя на свою подругу, также посвящала много времени учёбе и тоже была отмечена Изотовой как прилежная ученица. Девушки прекрасно понимали, что этот шанс, данный им самой судьбой, необходимо использовать в полной мере и не терять ни минуты.

Ольга же, наоборот, долго не могла привыкнуть к учёбе, её редко можно было увидеть сидящей за книгами. Она больше времени проводила у зеркала: то экспериментировала с макияжем, то с причёсками, то устраивала самый настоящий показ мод, примеряя и подбирая одежду на завтрашний день, или просто любовалась собой, крутясь и рассматривая себя в зеркале с разных сторон. Даже в университете её можно было застать только у зеркала. Правда, там она

преследовала несколько другие цели. Самолюбованием она пыталась привлечь внимание противоположного пола. Но, несмотря на такое легкомыслие, Оля училась хорошо. Лена даже ей немного завидовала. Ведь сама она прилагала столько усилий, просиживая не один час за учебниками, чтобы всё выучить и получить соответствующую оценку, а её соседка только раз всё прочтёт – и готово, ответит на любой вопрос. Да, Ольга действительно обладала феноменальной памятью и почти мужской логикой, поэтому и решила посвятить себя точным наукам, выбрав экономику. Хотя своими финансами она распоряжалась отнюдь не экономно, деньги не задерживались у неё надолго. Причём тратила Оля их абсолютно безрассудно и обычно спустя время была недовольна своими покупками.

Так прошло полгода. Сто одиннадцатая группа неформально разделилась пополам. Одна группировка состояла из гламурных и богатых девчонок, окружённых бесчисленными поклонниками. Возглавляла эту компанию Настя Ливанова. Она была дочерью высокопоставленного чиновника, восседающего в правительстве, поэтому вела себя вольно, даже несколько дерзко, часто грубила преподавателям, тем самым завоёвывая себе авторитет хулиганки. Но, несмотря на лидерство, старостой она не была, так как в силу своей безалаберности и лени не захотела брать на себя такую ответственность. Настя была далеко не красавицей. Маленькая, полненькая, с грубыми чертами лица, да ещё и с диким нра-

вом, Лене она казалось просто чертёнком. Но к ней тянулись люди, Настя всегда была окружена и подругами, и потенциальными женихами. Возможно, такой интерес к её персоне вызывали деньги папы, а возможно, и внутреннее обаяние. Лена боялась таких людей, как Настя, потому что могла легко попасть под их влияние. Да и вообще, куда ей до них.

Ко второй группировке, куда входили Лена и Марина, относились студенты, желающие заниматься только учёбой. Лидером была непосредственно староста группы, Ира Кириллова. Она создавала впечатление серьёзного и ответственного человека. Настойчивая, с громким командным голосом, она имела хорошую репутацию, и студенты безоговорочно выполняли все её требования, безропотно подчиняясь. Обе группы не старались противостоять друг другу, просто у них были разные цели: кому-то был необходим диплом с отличием, кому-то – удачное замужество, кого-то просто интересовало приятное времяпрепровождение.

Что же касается *его*, то Лена сумела разузнать не так много. Алексей Эдуардович Хигир был депутатом Государственной Думы. В университете он преподавал гражданское право на старших курсах. Услышав последнее, Лена вся затрепетала. Она и не рассчитывала, что ей доведётся познакомиться с ним лично, пусть даже через долгих четыре года.

За этот семестр Лена видела Алексея Эдуардовича довольно часто, но недолго. В университете, в отличие от своего друга Лужнина, он не задерживался. Но девушка знала всё

его расписание наизусть, чтобы хоть иногда иметь возможность полюбоваться этим мужчиной, томно вздыхая в сторонке, потому что перед ним разворачивались целые баталии, которые устраивали особо интересующиеся им студентки. Когда Хигир выходил на перемене в коридор, чтобы пообщаться со своим другом и заодно поглазеть на хорошеньких девушек, студентки всеми способами пытались привлечь его внимание, и тогда на его губах появлялась лёгкая усмешка, а взгляд становился каким-то масляным. Лена всё бы отдала за такой взгляд в её сторону. Она, как и эти очарованные им девушки, старалась ненавязчиво выделиться из толпы, только бы заполучить знак его внимания. Но всё было тщетно. Зато внимание на Ленины старания обращали все остальные: однокурсники; Марина, которая с укором поглядывала на неё, когда та начинала не совсем естественно себя вести в присутствии объекта обожания; Ольга, издевательски подтрунивавшая над её влюблённостью, но только не он. Даже его друг, Александр Вадимович Лужнин, с которым Хигир постоянно общался, и то как-то заинтересованно начал поглядывать на Лену.

И вот на одной из таких перемен, в надежде увидеть его, Лена с одноклассницами спустилась на второй этаж и остановилась около мраморных перил. Здесь всегда собиралось много студентов. Внизу располагался холл, где девушки устраивали настоящий показ мод, крутясь перед зеркалами, а молодые люди наслаждались представлением. Для

Лены это было заветное место, где она могла видеть своего любимого.

Девушка повернулась лицом к холлу и облокотилась о перила. Отыскав взглядом Хигира, стоящего со своим другом и ещё с одним из преподавателей на ступеньках лестницы, Лена начала умилённо рассматривать объект своей страсти, ловя каждый его жест, а он, как обычно, не замечал её, в отличие от Лужнина. Она вдруг поймала на себе пристальный взгляд Александра Вадимовича. Девушка покраснела и тут же отвернулась.

– Опять этот Лужнин, – раздражённо подумала она. – Сейчас он снова всё доложит своему другу, и они посмеются надо мной. Бесит.

Но тут ей вдруг захотелось назло пококетничать. С лёгкой улыбкой, немного склонив голову, Лена повернулась к нему и вызывающе посмотрела прямо в глаза. Лужнин, недолго думая, разгадав её замысел, принял такую же позу и с такой же улыбкой не сводил с неё глаз.

– Хм, а он тоже ничего, – неожиданно промелькнуло в голове. Лена одёрнула себя, испугавшись таких мыслей, и отвела взгляд в сторону. Но любопытство пересилило, и она вновь посмотрела на него, но уже с интересом. Лужнин вдруг сделал жест головой в направлении своего друга, мол, подойди, познакомься. Лена засмушалась и отрицательно покачала в ответ головой. Он пожал плечами, будто говоря: «Как хочешь».

– Саш, ты кому там улыбаешься? – спросил Хигир, заметив невербальный разговор своего друга.

– Вон там наверху, видишь? Брюнетка с длинными волосами, которая всё время на тебя смотрит.

– Да знаешь, сколько их, этих брюнеток, всех не запомнишь, – с пренебрежением произнёс Хигир и глянул наверх.

Он оценивающе осмотрел её с ног до головы, а потом прибавил после некоторой паузы: «Не советую тебе связываться с первокурсницами. Подожди, пока подрастёт, а то ещё посадят за совращение малолетних».

При этих словах он усмехнулся и похлопал друга по плечу.

– Ага, тебе ли этого не знать, – парировал Саша тоже с улыбкой.

Хигир хотел что-то сказать в ответ, но в этот момент в коридоре показалась длинноногая девушка с милыми кудряшками, по возрасту явно уже не студентка.

– Это ко мне, – Хигир уже стал подниматься по лестнице.

Лена не слышала, о чём говорили Лужнин с Хигиром, но, судя по их взглядам в её сторону, о ней. Девушке было неловко, но она старалась вести себя естественно и непринуждённо, будто ничего не замечает. Вдруг Лена увидела, что предмет её обожания сдвинулся с места и направился в её сторону. Она насторожилась.

«Неужели он идёт ко мне?» – взволнованно подумала Лена, и сердце яростно подскочило. Делая вид, что ни на что

не рассчитывает, она повернулась к однокурсникам, как бы участвуя в разговоре, но краем глаза следила за происходящим. Когда Алексей Эдуардович поравнялся с ней, она зажмурилась. Подождав некоторое время, за которое, к её удивлению, ничего не произошло, Лена открыла глаза и увидела его рядом с хорошенькой, только что вошедшей в здание через другой вход девушкой с розовыми от мартовского ветра щеками. Она кокетничала с ним и иногда жеманно надувала губки, если Хигир отрицательно качал головой. Он стоял близко к ней и, положив одну руку на перила, словно обнимал её. Его веки были томно приопущены, он с удовольствием, не отрываясь, смотрел на собеседницу. Выглядели эти двое как воркующие голубки. За этой картиной пристально наблюдали ещё несколько девушек, испепеляя завистливыми взглядами избранницу преподавателя.

– Боже мой! – очнулась вдруг Лена. – Как я могла подумать, что он подойдёт ко мне?! Какая я дура! Всё, хватит! Больше не буду заниматься ерундой! Я вообще-то сюда учиться приехала. И где только была моя голова?!

С этими мыслями Лена отвернулась от воркующей парочки. В ней говорили обида, ущемлённое самолюбие и осознание глупости своих поступков.

После этого дня она редко стала спускаться на второй этаж и не пыталась попадаться Хигиру на глаза, а если и встречала его где-нибудь в холле у выхода, то, украдкой взглянув, проходила мимо.

Постепенно Лена действительно стала забывать своего Хигира и испытывала к нему практически безразличие, лишь изредка грустно вздыхая о несбывшихся надеждах, когда случайно видела его где-то вдалеке.

* * *

Заканчивался первый учебный год, за который Лена узнала, что такое юриспруденция. Некоторые считали эту науку технической, то есть полностью подчинённой точным рамкам закона и лишённой всякого творчества. Но так рассуждают дилетанты, не понимающие сути. Юриспруденция связана не только с творчеством, но и даже в некотором смысле с философией и психологией. В глубине, в сути этой науки кроется обширная пища для размышлений. Через юриспруденцию раскрывается искусство работы с законом – не зря существует понятие «правотворчество». Ведь создание закона представляет собой долгий и порой мучительный, сложный процесс творчества – нужно учитывать интересы разных слоёв общества.

Этому Лена и желала научиться. У неё был гуманитарный склад ума, наука давалась легко, и девушка оказалась в первой десятке рейтинга курса.

Группе очень повезло с Алевтиной Ивановной, человеком добрым, понимающим и уважительно относящимся к студентам, но строгим, так что на занятиях всегда стояла гро-

боявая тишина. Лекции она читала быстро, приучая слушателей к расторопности. За хорошее отношение студенты отвечали ей взаимностью, даже самые безответственные старались не пропускать занятий и с интересом слушали.

Первый переходный экзамен был именно у Алевтины Ивановны. Лена и Марина немного опаздывали к началу, поэтому почти бежали по коридору. Лена на ходу доставала из сумки зачётную книжку, чтобы не мешкать перед Изотовой, которая наверняка будет недовольна их опозданием. Дверь одного из кабинетов внезапно открылась, и торопившаяся Лена с размаху врезалась в неё. От удара все книги из сумки полетели на пол, девушка схватилась за лоб и застонала от боли. Из-за злосчастной двери выглянул Алексей Эдуардович, а вышедший вслед за ним Лужнин, увидев разбросанные учебники, стал собирать их. Хигир, несколько взволнованный, вдруг подошёл к студентке и нежно дотронулся до её плеча.

– Извините, вы как? – спросил он обеспокоенно.

Лена оцепенела от его прикосновений.

– Всё нормально, – пролепетала она и попыталась улыбнуться.

– В следующей раз будьте повнимательнее, – предупредительно произнёс Александр Вадимович, подавая Лене собранные им с пола книги.

– Спасибо, – не поворачивая в его сторону головы, еле шевеля губами, проговорила Лена.

Она было хотела уже идти, но Хигир так и продолжал держать её за плечо. Лена смущённо подняла глаза и посмотрела в его красивое лицо. Оказавшись с ним так близко, девушка еле дышала. Он, опутив свои длинные чёрные ресницы, насмешливо смотрел на незадачливую студентку, потом вдруг наклонил голову к её уху, так что она ощутила его горячее дыхание, и негромко сказал:

– Что-то вы совсем пропали. Давно я вас не видел.

Слегка улыбнувшись и не дождавшись ответа, он развернулся и быстро зашагал прочь.

Лену бросило в жар. Она не верила своим ушам.

«Он помнит меня», – бешеной радостью вертелось в голове. Почти угаснувшие чувства с новой силой вспыхнули в ней.

– Вот гад! – прошипела Марина вслед уходящему обидчику.

Лена пыталась сдержать свои эмоции, но это было выше её сил, и она расплылась в довольной улыбке.

Весь день девушка находилась будто в эйфории и на все расспросы Ольги, недоумевавшей, в чём дело, загадочно улыбалась. Да, борьба была бесполезна, она сорвалась со скалы целомудрия и легко, не сопротивляясь, полетела в бездну безрассудства любовной горячки. Лена прекратила врать самой себе, что сможет забыть его. Иногда она надолго задумывалась, мечтая о своём принце. Тогда Марина, находя подругу в столь далёком от реальности состоянии, громко

вздыхала и говорила:

– Надеюсь, ты понимаешь, к чему это может тебя привести. Я всё-таки надеюсь, что за время летних каникул ты придёшь в себя.

На что Лена просто молчала, не желая выслушивать занудные нравоучения Марины.

За два летних месяца, отпущенных студентам для сладкого отдыха от бремени учёбы, ничего не изменилось, сердце Лены по-прежнему было в плену страстей. Да, она не видела своего Хигира, но её чувства подпитывались постоянными мечтами о нём и воспоминаниями о тех немногих моментах, что хоть каким-нибудь образом были связаны с ним. Мама заметила перемену в поведении дочери, но не могла понять, с чем это связано: с учёбой и долгим отсутствием дома или же, что ей казалось более вероятным, с неким третьим лицом. На мамины вопросы Лена не отвечала, а только опускала вниз глаза и, загадочно улыбаясь, говорила: «Мам, я ничуть не изменилась, только, может быть, повзрослела немного».

Каникулы она провела весело, встречаясь со своими старыми подругами. Рассказывая им о себе, о Москве, учёбе, о своём новом чувстве старалась умалчивать, напуская на себя пелену таинственности. Лена чувствовала себя свободной по отношению к своим знакомым, родственникам, родителям, родному городу. Подруги завидовали её статусу москвички, родители чувствовали её независимость от них, а род-

ной город не давил своей серостью и отсталостью, как когда-то. Лена теперь жила совсем другой жизнью, так, будто прошлого и вовсе не было. Все чувствовали это ненавязчивое превосходство над всеми и всем, что окружало её раньше. Девушка предстала перед ними обновлённой, свежей и даже какой-то незнакомой. Всё это доставляло ей немало удовольствия.

Вот такой отдохнувшей, жизнерадостной и уверенной в своих силах Лена уезжала на учёбу в Москву, оставляя в Ярославле восторженных подруг и недоумевающих родителей.

* * *

Второй и третий курс прошли как-то размеренно и однообразно – девушка посвящала много времени занятиям. День начинался в семь утра с приёма душа, куда выстраивалась очередь благодаря Ольге, встававшей в полседьмого, чтобы навести марафет. Она очень долго мылась, красилась, одевалась, тщательно выглаживая всю свою одежду. Лена же красилась немного, а Марина вообще не занималась, как она говорила, этими глупостями. Одежду подружки готовили с вечера, а на завтрак оставляли пятнадцать минут, так что сборы не занимали много времени. Но Ольга всегда опаздывала, создавая суету на пустом месте. Она носилась по комнате в поисках своих вещей, судорожно собирая сум-

ку, нервничала, спрашивая подруг, не видели ли они её тетрадь синего цвета или чёрную кофту в мелкую коричневую полоску, которая так хорошо подчеркивает красивую грудь. В результате Ольга только и успевала съесть на ходу бутерброд с маслом и выпить полчашки чая, догоняя Лену и Марину уже в дверях.

Училась Лена по-прежнему хорошо и даже заняла пятую позицию в рейтинге, отодвинув Марину на шестое место. Появилось много пока ещё вводных, так сказать, общеобразовательных предметов. Девушки познакомились с новыми преподавателями, которых в принципе они уже знали или уже видели.

После двух пар лекций начиналась долгожданная обеденная перемена. Студенты толпой спускались вниз в студенческую столовую. Столовая была довольно большая, но все желающие в ней не помещались, поэтому сначала приходили студенты первого, второго и третьего курсов, а через полтора часа – старшекурсники. Многие ходили в уличные кафе, некоторые студенты, жившие неподалёку, уезжали домой. У автоматов с шоколадками, чипсами и кофе тоже всегда была толпа. Наши подруги, чтобы не стоять в бесконечных очередях, предпочитали ближайшее кафе, где можно было хорошо пообедать за смешную для Москвы цену, включая скидку «бедным» студентам. А когда денег было совсем мало, то оставшиеся девушки отдавали, иногда безвозмездно, автоматам с едой.

Утолив голод, студентки опять бежали в вуз и прилежно записывали за преподавателями. Порой лекции тянулись очень медленно, что особенно ощущалось осенью. Из-за плохой погоды и пониженного атмосферного давления хотелось спать, глаза сами собой закрывались, а голова скатывалась вниз. Но девушки старались держать себя в руках, отпиваясь крепким кофе.

Занятия заканчивались чаще часа в четыре, и усталые, перегруженные новыми знаниями, девушки шли домой.

Добравшись до своей комнаты в общежитии и поужинав, они обменивались последними новостями и просто болтали со студентами параллельных курсов. Но уже через два часа они снова сидели за письменными столами уже у себя в комнате и учили, учили, учили.

Общажная жизнь вполне устраивала Лену. Вопреки папиным рассказам о полном разврате и пьянстве, там было вполне мирно. Не без шумных компаний, с которыми Лена, кстати, спокойно общалась, но эта сторона студенческой жизни её не касалась – девушка не видела смысла ввязываться в сомнительные авантюры, они её не интересовали.

В общежитии было много иностранцев, выходцев из стран Кавказа, Африки и Китая. Лена обходила таких стороной. К кавказцам относилась с предубеждением, считая, что от них-то как раз можно было ожидать чего угодно. А китайцев с африканцами она попросту не понимала: ни их ломаного русского, ни их нравов и привычек.

Времени на насыщенную общественную жизнь университета у Лены не хватало, да и, по правде сказать, выделить-ся было нечем: рисовать и сочинять стихи она не умела, со спортом, не считая шейпинга, было покончено ещё в детстве. Зато умная студентка посещала спецкурсы, участвовала в интеллектуальных играх и тренингах. Да, занимала не первые места, но это не проходило даром, с каждым разом результат её повышался, и старания приносили свои достойные плоды.

Что же касается той пылкой влюблённости в Хигира, то она совсем не прошла, а лишь потеряла свою остроту. Лена предпочла роль тайного воздыхателя, ненавязчиво наблюдающего за жизнью предмета своего обожания. Но чем больше она узнавала, тем больше разочаровывалась. Говорили, что он не только ужасный бабник, но и циничный, высокомерный человек, бескомпромиссный и принципиальный преподаватель, жестоко относящийся к своим подопечным. С другой стороны, этот дурной характер в сочетании с яркой и выразительной внешностью придавали ему некий шарм и сексуальность. Жёсткость была к лицу Алексею Эдуардовичу, поэтому, несмотря на все неприглядные качества своей личности, он пользовался дикой популярностью у слабого пола, и каждая хотела бы завоевать его сердце. Девушки гордились любым знаком внимания от харизматичного преподавателя, считая это высокой оценкой их красоты.

Так однообразно проходили дни, недели, месяцы. Семестры прерывались сессиями, которые заканчивались каникулами. Девушка погрязла в повседневной рутине, чувства её притупились, но сердце требовало перемен.

Предпоследний курс как раз сулил эти перемены. На этот год девушка возлагала большие надежды по поводу карьеры, ведь именно сейчас её и других студентов ожидала практика, которая предоставляла шанс зарекомендовать себя с самой лучшей стороны и возможность в будущем заполучить неплохую работу.

Место для прохождения практики можно было найти самой или взять направление из учебной части. Лена, как и Марина, была не местная и не имела знакомых, которые бы могли помочь, поэтому девушки обратились в учебную часть. Только им могли предложить не самые лучшие варианты, такие как районная прокуратура, районное УВД, служба судебных приставов и районный суд. А Лена мечтала о крупных компаниях, нотариате, адвокатуре, правительстве. Но делать было нечего. Пришлось довольствоваться малым.

То утро в университете началось с какой-то суматохи. Вся группа долго стояла около своей аудитории в ожидании куратора. Это было странно, ведь Алевтина Ивановна никогда не опаздывала, так как жила неподалёку и не стояла в затяж-

ных московских пробках. Через полчаса за ними пришла её сестра, Альбина Ивановна. Женщина повела их на четвёртый этаж и усадила в маленьком тёмном кабинете. Столов, как и стульев, на всех не хватило, поэтому некоторым студентам пришлось идти за стульями в соседнюю аудиторию и искать себе место. Когда суэта улеглась и группа наконец была готова к занятию, появилась Алевтина Ивановна и объявила, что всем нужно следовать за ней на второй этаж. Студенты недовольно загудели, но подчинились приказу.

Лена изумилась, увидев, куда их привели. Это был кабинет Хигира. Девушка с лёгким волнением, поддаваясь течению общего потока, вошла внутрь. Ей понравилась большая, с высокими потолками аудитория в виде амфитеатра, часть которой была занята незнакомыми студентами старшего курса юриспруденции. Группа расположилась на свободных местах возле окна. Растерявшись, Лена неудачно села с краю на последних рядах, оказавшись рядом со старшекурсниками. Марина была внизу и давно уже делала ей знаки, указывая на свободное место, которое она заняла для своей подруги. Но та смотрела совсем в другую сторону.

Алексей Эдуардович Хигир ходил между рядами и торопливо раздавал какие-то пособия своей группе. В силу своего статуса чиновника он всегда носил костюмы, редко позволяя себе вольную форму одежды. Однако сегодня Алексей Эдуардович превзошёл сам себя, видимо, предстояло очень серьёзное мероприятие. Он был одет в строгий безупречно

сидящий костюм глубокого чёрного цвета, который дополнялся белоснежной рубашкой, из-под рукавов пиджака поблёскивали бриллиантовые запонки на манжетах. Все детали выдавали дороговизну и отменное качество. Чёрные замшевые туфли и такого же цвета бабочка завершали образ. Наряд подчёркивал блестящие на свету чёрные волосы и голубые, небесного цвета глаза. Хигир был неотразим! Лена смотрела на него, как замороженная. Фантазия унесла её далеко отсюда. От этих мыслей она густо покраснела и будто очнулась, заметив Марину, которая ей уже не махала рукой, а грозила кулаком, догадавшись, кого она так с открытым ртом разглядывает. Лена смущённо заулыбалась и покачала головой.

– Так, попрошу немного внимания, – раздался приятный и несколько резковатый голос Хигира, обращённый к старшей группе. – Я сейчас уйду, и мы встретимся с вами только завтра. Вы остаётесь с Алевтиной Ивановной. Прошу соблюдать тишину и заниматься своими заданиями, а завтра...

В этот момент дверь тихо отворилась и в аудиторию зашла заспанная Настя Ливанова.

– Извините, – небрежно бросила она и, бегая глазами по рядам, направилась к своей группе.

– Привет, Настя. А чего это ты опаздываешь на лекции, м? – с укором произнёс Хигир и игриво хмыкнул.

Девушка остановилась, посмотрела его с головы до ног и, криво улыбнувшись, махнула на его слова рукой.

– Последний год отдыхаешь, – весело сказал преподава-

тель и погрозил ей вслед пальцем.

Настя ничего не ответила. Она увидела свободное место рядом с Леной и под села к ней.

Надо сказать, что Лена была удивлена и даже успела позавидовать Насте Ливановой, догадавшись, что они с Хиги-ром знают друг друга и, судя по фривольному их общению, довольно близко.

Алевтина Ивановна, как и обещала, устроила контрольную работу. Лена сразу начала писать ответ, который проворно выливался в слаженный текст на бумаге. Настя же, наоборот, обхватила голову руками и смотрела в пустой листок. Она попыталась достать шпаргалку, что ей удалось, но, не найдя ответа, опять приняла прежнюю позу мучительно-го раздумья. Через некоторое время девушка стала вертеться и обращаться за помощью к другим студентам. Лену она почему-то игнорировала. Настины старания не увенчались успехом, все на неё только шикали и говорили: «Подожди». Но времени оставалось совсем мало. Сжалившись над растерявшейся одноклассницей, Лена повернулась к ней и прошептала:

– Тебе помочь?

Настя удивлённо уставилась на неё, а потом радостно закивала головой.

Лена взяла листок и быстро написала ответ. Насте оставалось только переписать его своей рукой. Она поставила последнюю точку, когда прозвенел звонок на перемену.

– Спасибо тебе, – сказала она Лене.

– Пожалуйста. Почему ты сразу не обратилась ко мне? – несколько смущаясь, спросила Фадеева.

– Я просто не думала, что ты захочешь мне помочь.

– Почему?! – спросила Лена, слегка выпятив нижнюю губу вперёд.

– Ну, не знаю, – замялась Настя и виновато опустила глаза, – ты такая... важная...

– Неужели я произвожу впечатление задавалы? – возмутилась Лена.

– Извини, если обидела, я не хотела.

К удивлению Лены, Настя предстала сейчас перед ней совсем в другом свете. Лена увидела её вежливой, милой, даже немного стеснительной девушкой.

– Ты москвичка? – спросила Настя.

– Нет, – скромно ответила Лена и опустила глаза, стесняясь своего положения провинциалки.

– А откуда?

– Из Ярославля.

– Недалеко.

Читателю могут показаться странными эти вопросы, но за прошедшие три года девочки практически не общались и ничего не знали друг о друге.

– Ты по льготе поступила? – спросила Настя.

– Нет, сама. Не набрала два балла, чтобы на бюджет попасть, – ответила Лена с сожалением в голосе.

– Да уж, обидно. Но ты всё равно молодец, что решилась поступать, тут и на платное-то пролезть как сквозь игольное ушко. Или взятку давала? – чуть тише спросила Настя.

– Не-ет, – протянула Лена и активно замотала головой.

– Ну тогда вдвойне молодец, что решилась и что поступила. Уважаю, – похвалила её Настя.

– Спасибо, – засмушалась Лена. – А ты?

– А чего я? – поморщилась она. – Я дочка одного из заместителей председателя Государственной Думы. Как думаешь, как я сюда попала?

– Поняла, – снова улыбнулась Лена, удивляясь её самоиронии и искренности.

Они понравились друг другу, им оказалось интересно вместе. Весь урок девчонки проболтали, Алевтина Ивановна даже несколько раз делала им замечания.

– Девушки, вы мешаєте мне вести лекцию, – сказала она, строго смотря на последние ряды. – Настя, не порти мне девочку.

Разговоры ненадолго прекращались, но потом снова в полной тишине слышались шёпот и тихие смешки.

Коренная москвичка и дочь высокопоставленного чиновника, Настя Ливанова в четырнадцать лет потеряла маму – она умерла от рака. Девушка была натурой свободной и незаурядной, склонной скорее к искусству, чем к юриспруденции. Но язык у неё был подвешен хорошо, ей всегда было что сказать. Настя свободно рассуждала на любые темы, сме-

ло высказывая своё мнение, зачастую попадая в точку, чем нравилась преподавателям. Но там, где нужны были знания, а не просто словоблудство, Настя была полным профаном – преимущественно из-за своей лени. Училась она как хотела, зная, что все её проблемы решит папа. Так, в принципе, и происходило: Ливанову уже не раз пытались отчислить из университета, но всякий раз отец приходил ей на помощь. Несмотря на то, что девушка была окружена многочисленными подругами, настоящих среди них не было. Она словно всегда находилась настороже и старалась особо ни с кем не сближаться. Настя с детства была приучена не доверять людям. Отец много нравоучительно рассказывал ей, что случится, если та будет много болтать. В силу особенностей социального положения и статуса Насте запрещалось дружить с теми, с кем ей хотелось. Отец считал это необходимым для блага дочери и безопасности семьи. Но Настя искала, постоянно искала того человека, которому можно было довериться, не считая психоаналитиков, которых приходилось посещать по настоянию папы.

В Насте Ливановой боролись две стихии: небо и земля. С одной стороны, она обладала неповторимым внутренним обаянием, которое унаследовала от мамы, чем привлекала к себе людей. Девушка была проста в общении, не кривила душой и имела прекрасное чувство юмора. С другой стороны, Настя была властной и взбалмошной натурой, всегда добивающейся своей цели, несмотря ни на что. Лидер

по натуре, она невольно подчиняла себе людей, хотя к власти не стремилась. Девушка ловко умела управлять людьми, но только теми, которые хотели ей подчиняться.

Лене понравилась Настя, с ней было легко и весело. Настя тоже удивлялась и не понимала, что общего у неё с заучкой, как она когда-то называла Лену. Только мнения, которые они составили друг о друге за три года, были ошибочны, и им предстояло убедиться в этом.

Марина, увидев их дружескую беседу, приревновала подругу и надулась, как пузырь. После занятий они вернулись в свою аудиторию и сели на привычные места. На все вопросы Лены Марина отвечала однозначно и кратко, не пытаясь продолжить тему.

– На что ты обижаешься? – спросила Лена.

– Я не обижаюсь. С чего ты взяла? – раздражённо ответила Марина.

– А то я не вижу. Это из-за Насти?

– Что ты нашла общего с этой... – и, не подобрав слов, Марина отвернулась от неё.

– Она, кстати, нормальная девчонка. Весёлая и умная, просто ленивая.

– Ага, благодаря папочкиным деньгам можно и полениваться.

– Возможно, на её месте мы бы поступали так же, – добродушно сказала Лена.

– Ну, ты прямо сама добродетель, – дерзила Марина.

– Это ты к чему? – насторожилась Лена.

– Я знаю, из-за чего эта Настя тебе «понравилась». Ведь она наверняка будет проходить практику у своего папочки в какой-нибудь Госдуме и тебя прихватит с собой. Ты на это надеешься? – язвительно заявила Марина, скривившись от злобы.

– Я не думала, что ты обо мне такого мнения, – резко ответила Лена и нахмурила брови. – Я совсем об этом не думала.

– Ну, или тогда про своего бабника думала. Они ведь знакомы, – не унималась Марина, сыпля колкостями.

Лена настолько растерялась от этих грубых нападок, что даже не знала, как реагировать. Оцепенев от удивления, она еле слышно сказала: «Марина... Я не ожидала от тебя такого...»

Лена отвернулась, и они больше не разговаривали. Ей было очень обидно, что человек, которого она считала другом, на самом деле таковым не являлся. Всегда больно разочаровываться в людях, особенно в близких, но теперь Лена знала её истинную натуру. Как бы в дальнейшем ни сложились обстоятельства, доверять ей было больше нельзя. Лене на месте Марины и в голову не пришло бы обвинить подругу в подхалимстве и лицемерии. Слова подруги ужаснули её. Однако вечером она подумала, что всё же слова Марины не были лишены смысла и, возможно, судьба предоставила ей шанс.

После того случая Настя и Лена постепенно начали сближаться, их отношения становились более тёплыми. Теперь они каждый раз здоровались и мило улыбались друг другу, перекидываясь стандартными фразами: «Как дела?» Однако девушки находились на разных полюсах, что мешало более плотному общению. У каждой была своя компания. И эти компании презирали друг друга. Одни считали других занудами и задавалами, а те, в свою очередь, думали о них как о глупых и бездарных баловнях судьбы, держащихся за юбки и брюки своих богатых родителей.

Но случай снова свёл их вместе.

Марина приболела и всю неделю не посещала занятий. Место рядом с Леной было свободно, Настя на очередной контрольной работе не преминула подсесть к ней.

– Привет! Можно я посижу с тобой? – спросила она, уже заняв место.

– Да, конечно, – приветливо согласилась Лена и механически подвинулась на своём стуле.

– Лен, ты мне поможешь? А то я вчера ничего выучить не успела, – стесняясь своей просьбы, быстро произнесла Настя и закусила губу.

– Хорошо, – не раздумывая ответила девушка.

Что и было сделано. Лена написала работу за двоих. Ливанова была жутко довольна результатом, а через пять дней

Лена уже сидела на другом краю аудитории, помогая не только Насте, но и её подругам и друзьям. Некоторые думали, что девушки просто используют друг друга, однако внезапно возникшая неприятная ситуация показала иное.

Как-то при оглашении результатов теста по трудовому праву, написанного нашей отличницей в нескольких экземплярах, выяснилось, что все, кому она помогала, получили положительные отметки, а сама она, физически не успев полностью раскрыть свой ответ, удостоилась только удовлетворительной оценки.

– Я очень разочарована и удивлена, – недовольно говорила Алевтина Ивановна, держа в руке Ленину работу. – Лена, объясни мне, почему ты не ответила на элементарный вопрос? Тут что-то не так.

Куратор была старой закалки, поэтому привыкла решать все проблемы публично. Лене эта ситуация была неприятна, но она не могла подвести людей, которые нуждались в помощи, пусть даже они безжалостно использовали её. Она молча поднялась со стула и, виновато опустив глаза в пол, пожала плечами. Наступила пауза. Вдруг раздался голос Насти:

– Она за меня написала всю работу, и поэтому у неё не осталось времени на свою, – отважно призналась она.

При этом Настя говорила только за себя. Студенты шумно повернулись в её сторону и уставились на неё в недоумении.

– Это правда? – спросила Алевтина Ивановна у Лены.

– Нет, конечно, – выпалила она, не меньше куратора удив-

лённая выходкой Насти.

– А зачем тогда Ливанова выгораживает тебя? – строго произнесла куратор.

– Не знаю, я ни за кого ничего не писала, – упиралась она.

– Да ты что, Лена! – возразила Настя и вскочила со стула. –

Я не вру!

– Ну, зачем ты... – не закончила фразу Фадеева и робко опустила на место.

– Та-ак, – строго протянула Изотова, – обеим неуд¹ и на пересдачу. Устроили мне тут цирк! Было – не было. Я не люблю тех, кто списывает, и тех, кто даёт списывать!

Когда прозвенел звонок на перемену, Настя подошла к Лене.

– Почему ты не рассказала правду? Ведь этот неудачный тест может подорвать твою репутацию. Мне-то наплевать на учёбу, для меня место юриста уже обеспечено, а для тебя это очень важно! – взволнованно говорила Настя.

– Ничего страшного, пересдам. И вообще, ты бы сама как поступила на моём месте?

Настя задумалась и замолчала.

– Ну, может, ты и права, – неохотно сказала она.

– Ты знаешь, я не ожидала от тебя такого отважного поступка, – с уважением произнесла Лена.

– Ты меня ещё плохо знаешь, я ещё и не такое могу, – торжественно заключила Настя и мило улыбнулась. – А пойдём

¹ Неуд – неудовлетворительная оценка, как правило, двойка.

сегодня с нами в кафе обедать?

– Я бы с удовольствием, но, боюсь, у меня денег не хватит, – польщённая предложением, засмушалась Лена.

– Да мы не в дорогое место ходим, – отмахнулась Настя и уверенно прибавила. – Всё, решено! Ты идёшь с нами.

Подруги Насти, увидев Лену, очень удивились. Они вообще не понимали, что может связывать девушек между собой.

До кафе они добрались на Настином джипе, подаренном ей отцом на совершеннолетие, в нём помещалась вся компания. По Лениным меркам, заведение было дорогое, но она позволила себе потратиться, чтобы не выглядеть на фоне новой компании неловко.

– Лена, знаешь, ты самая нормальная девчонка из всех этих придурков, – сказала Женья Пшеницына, которая, казалось, была самой близкой подругой Насти. Она была буквально влюблена в неё и старалась ей во всём подражать, даже одевалась так же.

– Поверь, среди них есть немало хороших и интересных людей, – парировала Лена, дожёвывая кусок курицы.

– Может быть, но они все такие вредные, – прибавила Поля, которая тоже входила в эту компанию и, в отличие от Жени, имела свою индивидуальность. Она ярко одевалась, но макияж предпочитала скромный, из-за чего выглядела одновременно и эффектно, и элегантно.

– Могу с тобой поспорить, – отбивалась Лена. – Дело в том, что вам не нужно бороться за место под солнцем, ваши

родители уже обеспечили ваше будущее. Мы же этого лишены, поэтому стремимся к цели, надеясь только на себя.

– Это-то и проблема, что родители уже решили всё за нас, – с грустью согласилась Поля. – У меня есть брат, он уже взрослый, на десять лет меня старше. Наш отец – банкир, и он всегда хотел, чтобы его сын продолжил семейное дело. Папа отослал его в Англию, в пансион для мальчиков. Мой брат беспрекословно выучился в Кембридже, чтобы стать банкиром, но, когда женился, сделал папе ручкой и стал пилотом. Сейчас работает в Домодедове на пассажирском лайнере и безмерно счастлив.

Лена округлила глаза.

– Эх, как я ему завидую, – грустно вздохнула Полина и, подумав, прибавила. – Но сколько ему пришлось идти к своей мечте...

– А что отец? – поинтересовалась Лена.

– Ничего. Рвёт и мечет. Решил, что ему в Кембридже мозги кто-то запудрил, вот меня и не отпускает от себя, боится, что и я выйду из-под его контроля, поэтому учусь не в Кембридже, а здесь, под его присмотром.

– Но ты же сама выбрала факультет? – поинтересовалась Лена.

– Нет. Сначала я отучусь на юридическом, а потом на экономическом, после чего пойду работать к папе в банк... Так что у меня всё predetermined.

– Но разве это плохо? О такой карьере многие мечтают, –

сказала Лена.

– Да, но только не я. Я хотела бы стать геологом. Ездить с экспедициями по нашей земле... Мечта... которая не осуществится, – с сожалением поджала губу Поля.

– А ты говорила об этом отцу? – всё больше и больше изумлялась услышанному Лена.

– Даже заикаться боюсь. Судя по тому, как он орал, когда узнал о выборе брата, мне точно ничего не светит.

– Да и у меня та же история, – поддержала Женя Полину. – Я хотела бы связать свою жизнь с журналистикой, но мой отец – политик и ненавидит журналистов.

– Видишь, мы не свободны в своем выборе, – подытожила Поля.

– А я вот сама выбрала факультет, – гордо заметила Настя. – Мой отец мне не помеха.

– Факультет, может быть, и сама, а всё остальное? – спросила сметливая Полина. – Он же не даёт тебе общаться с тем, с кем ты хочешь.

Настя замолчала в знак согласия.

– Мы все тебе немного завидуем, – продолжала Полина, – ты свободна от всего...

– Свободна, потому что у меня ничего нет, – усмехнулась Лена. – Мне нечего терять. Мне многого хочется, но я не знаю, смогу ли я этого достичь.

– Тебе чего-то хочется, а мне нет. То, чего желает отец для меня, мне не нужно. Моя жизнь predetermined. Я знаю, что

будет, наперёд, и это удручает.

– А если всё-таки пойти наперекор отцу?

– Тогда ничего не поменяется, – равнодушно сказала Полина. – Можно подумать, я боюсь потерять деньги отца и остаться на улице. Да это было бы для меня наивысшим благом, но нет, он просто не допустит этого, ему проще меня в какой-нибудь закрытый пансион сослать, где меня будут заставлять делать то, что он хочет.

– Я не знала, что у вас всё так сложно, – сокрушалась Лена. – Мне казалось, что уж перед вами-то точно все двери открыты.

– Самое ужасное, что и в личной жизни то же самое, всё уже решено, – вступила в разговор Женя. – Я вот уже знаю, за кого выйду замуж, когда закончу универ.

– Как же так? – изумилась Лена. – Ну это же совсем... недемократично, да и старомодно...

– Вот и я ему говорю, что это старомодно, а он мне отвечает, что я уродина и всё равно никого себе не найду.

– Как он может так говорить? – удивилась Лена.

– А, я уже привыкла, – отмахнулась Женя. – Это он специально, чтобы занижить мою самооценку и чтобы я согласилась на его условия.

– А мамы? А что говорят ваши мамы? – спросила Лена.

– Они такие же, как и мы, зависимые, – ответила Полина. – Они нам не помощники.

– Все мы зависимы, хотим мы это признавать или нет.

Ты – от денег, мы – от наших родителей, и каждый по-своему борется с этим. Или живёт с этим, – заключила Настя. – Я лично никогда не успокоюсь. И, поверьте, добьюсь чего хочу.

– Да мы знаем, чего ты хочешь, – вдруг загадочно хихикнула Женя.

– Ага, то есть кого, – поддержала Полина.

Настя покраснела.

– Да, – сдерживая смущение, самоуверенно заявила она. – И, будьте уверены, рано или поздно, но будет так, как я хочу.

Девочки снова захихикали.

Лена совершенно не понимала, о чём они говорят, но выяснить постеснялась.

С Леной разговаривали в основном Настя, Полина и Женя, другая девушка, Вероника, всем своим видом показывала, что недовольна появлением нового человека в их компании. За обедом она не произнесла ни слова, а только слегка хмурила брови и косилась на Лену.

Вероника Урман была дочерью какого-то успешного учёного, девушкой богатой и умной, но жутко избалованной и высокомерной. Яркая внешность с хищными чертами лица выражала злость, заносчивость и надменность. Уголки её тонких губ были пессимистично опущены вниз, а крупные зелёные глаза часто презрительно прищуривались.

Лена и Вероника недолюбливали друг друга, но не подавали вида и принимали своё вынужденное нахождение рядом как нечто должное.

Прошло всего несколько недель, и Лена уже могла считать себя полноправным членом неформальной лидирующей группировки, во главе которой была Настя. С Мариной Лена общалась всё реже и реже. Отношения утратили всякую искренность. Девушки смогли пережить этот разрыв, их отношения оставались приятельскими, ведь как-никак жили-то студентки по-прежнему вместе в одной комнате.

Новая дружба пошла Лене на пользу. Она стала авторитетом у всей группы. Парни уважали её и слушались больше, чем старосту. Единственное, что не устраивало Лену, это денежные издержки. Ей нравилась новая компания, но регулярные посещения дорогих кафе, баров и клубов, куда приглашала её подруга, требовали немалых расходов. Брать деньги у Насти она не хотела, хотя та не раз предлагала ей безвозмездную денежную помощь. Лена была девушкой гордой. Поскольку карманные расходы увеличились в полтора раза, она обратилась за помощью к папе, тот, любя дочь всем сердцем, конечно, не отказал.

Ещё через месяц девушки были не разлей вода. Если раньше Настя не подпускала близко к себе людей, то с Леной получилось иначе. Ей удалось завоевать в сердце Насти место лучшей подруги. Она даже имела на неё некоторое положительное влияние. Например, Настя начала лучше учиться, меньше курить и вообще стала более ответственной, чем раньше. Отцу Насти это всё очень нравилось, и он попросил дочь познакомить его с этой чудо-девушкой, как он называл

Лену, которая сумела приручить его дочь.

* * *

Настя с отцом жили в большом доме на Рублёвском шоссе. Это поселение было похоже на отдельный город. Впечатляющий город в городе. Дома поражали своей архитектурой и площадями, которые доходили порой до нескольких тысяч квадратных метров. Все эти произведения искусства прятались за высокими глухими заборами, поэтому разглядеть что-то, кроме острых крыш и колонн, было трудно.

Дом подруги Лене очень понравился. Как истинный художник, Настя не только ценила красоту, но и сама создала шедевр, вложив свой талант в обустройство дома и участка. За трёхметровым забором с коваными чёрными воротами скрывался ухоженный сад с двухэтажным домом, выкрашенным в бежевый цвет. Площадь всего строения была внушительная. Дом был в современном европейском стиле без вычурностей, с широкой верандой у парадного входа и большим балконом на втором этаже, на котором располагился прекрасный зимний сад с какими-то экзотическими цветами и растениями. Красивые и широкие арочные окна с тонированными стёклами и тёмно-коричневыми рамами из неизвестного Лене дерева, явно очень дорогого, искусно сочетались с коричневой черепицей на крыше и общим видом дома. На заднем дворе росли многолетние могучие де-

ревья, которые были посажены ещё до того, как богачи заселили этот район. По участку вились узкие тропки, вымощенные декоративными камнями, меж которых пробивалась уже увядшая трава. Каждая такая дорожка обязательно вела или к клумбе с необычной композицией из поздних цветов, или к мастерски сделанной альпийской горке, где из-за поздней осени оставались только булыжники и вечнозелёный можжевельник. Особенно понравилась Лене деревянная пергола, увитая уже опавшим плющом. Она вела к небольшой кованой беседке, по которой тоже до самой крыши вился плющ. Здесь любил уединяться отец Насти, Антон Николаевич. Он иногда сидел тут часами, а вернувшись, выглядел отдохнувшим, но немного печальным. Здесь было тихо и спокойно, только щёлканье ножниц садовников, готовивших сад к зиме, нарушало эту тишину. Лучи осеннего солнца свободно проникали сюда сквозь облысевшие ветки деревьев, придавая этому месту таинственный и даже какой-то сказочный вид. Настя гордилась своим творением, ведь это была именно её идея создать впечатление дикорастущей, нетронутой природы, которая лишь слегка облагорожена человеком. Нужно сказать, у неё получилось.

Просторные комнаты дома были отделаны современными дорогостоящими материалами светлых тонов, от мягко-жёлтых до нежно-бежевых. На общем фоне выделялся и блистал пол, выложенный большими глянцевыми гранитными плитами, в которых отражался яркий свет шикарных люстр, вы-

соко подвешенных на фигурном стеклянном потолке в виде купола. На стенах и даже на полу под диванами и полками сверкали софиты, создавая эффектную подсветку современной красивой мебели. Настя, думая над интерьером, руководствовалась простым правилом: меньше мебели – больше свободного места и воздуха. В зале, где хозяева принимали гостей, можно было давать балы: высокие окна драпировались замысловатыми занавесками нежно-зелёного цвета, полился, подсвеченные в нужных местах стены выглядели и торжественно, и уютно. Отсюда наверх, где располагались Настина комната, спальни и гостевые, вела широкая, красиво изогнутая мраморная лестница.

Настина комната была не такого царского вида. Просторная, но в меру, без излишеств. Каждая вещь – на своём месте, все предметы обстановки вписывались в общий интерьер. О доме Ливановых можно было бы рассказывать очень долго: и о шикарном камине, и об огромной светлой кухне, плавно переходящей в столовую, и о сияющих ваннных комнатах, где всё сверкало и блестело, и о бассейне, и о небольшом спортивном зале на цокольном этаже, и об оранжерее, оформленной в виде зимнего сада, и о многом, многом другом, что поражало Ленино воображение, но, чтобы не надоедать читателю, вернёмся к действию.

После экскурсии по дому девушки отправились в столовую, где заботливая помощница-повар Наталья Николаевна уже приготовила для них ужин. Стол был накрыт на три пер-

соны.

– А для кого третья тарелка? – поинтересовалась Лена, усаживаясь за стол и расстилая салфетку на коленях.

– Папа сейчас придёт.

Лена посмотрела на свои часы. Было уже полдевятого.

– Он так поздно приходит? – удивилась девушка.

– Да. Работа такая. Он всю жизнь так, я привыкла, – равнодушно ответила Настя.

Наступила пауза. Девушки молча занялись ужином, который был приготовлен первоклассным поваром. Они наслаждались сёмгой на пару́ с каким-то необыкновенным соусом. Всё в этом блюде выдавало руку опытного мастера.

– Лена, у тебя есть парень? – неожиданно спросила Настя.

Девушка покачала головой.

– А был? – продолжала Настя.

– Да, ещё в Ярославле. Но мы давно расстались.

– А почему?

– Даже не знаю, как-то разошлись. Особой любви у нас не было. Он перестал мне звонить, приглашать куда-то, а я особо не переживала, – спокойно отвечала Лена.

– А сколько ты с ним встречалась?

– Один год. В одиннадцатом классе. Он из параллельного класса.

– Понятно. А здесь, в универе, неужели за тобой никто не ухаживал? – интересовалась Настя.

– Да так, – Лена пожала плечами. – Те, кто на меня обра-

щает внимание, мне не нравятся.

– Ну а тебе самой нравится кто-нибудь? – понизив голос, спросила Настя и посмотрела на подругу очень внимательно.

– Ну, нравится, только толку от этого никакого, – вздохнула она и опустила глаза.

– Почему?

– Я для него пустое место, – грустно произнесла Лена.

– Я его знаю? – продолжала Настя, как будто допрашивала.

Лена подняла глаза и внимательно посмотрела на подругу, раздумывая, говорить ей правду или нет. Рассказать хотелось, но она почему-то не решалась.

В этот момент дверь распахнулась и в столовую вбежал полноватый человек невысокого роста, с широким круглым лицом, большими глазами и крупным мясистым носом. Его редкие волосы, еле-еле прикрывающие лысину на макушке, были растрёпаны, щёки горели, пальто было нараспашку, под ним – выправившаяся белая рубашка. Это был Антон Николаевич Ливанов, отец Насти. Запыхавшись, он поздоровался с девушками и спросил у дочери:

– Доча, ты случайно не видела мои документы в коричневой папке? Ну всё оббежал, нигде не могу найти! – тяжело дыша, произнёс он и безнадёжно развел руками.

– Знаю, они на камине. А что такое? Ты опять куда-то едешь?

– Нет, это для Хигира, он в коридоре ждёт. Ему срочно

нужны эти бумаги, – сказал Ливанов и поторопился к выходу за папкой.

Настя при этом имени встрепенулась и проворно вскочила со стула. Лена тоже вздрогнула от мысли, что её возлюбленный сейчас находится в соседней комнате.

– Папа, сиди, я сама ему отнесу, – на одном выдохе сказала она и с покрасневшими щеками выбежала прочь.

– Настя! – угрожающе крикнул ей вслед отец. – Смотри, нарвёшься!

Но её и след простыл. Антон Николаевич махнул рукой и уселся за стол, предварительно сняв пальто и пригладив волосы.

– А вы та самая Елена? – спросил Ливанов, наливая минеральную воду в стакан.

– Да, – ответила она, немного смутившись, что осталась наедине с незнакомым мужчиной.

– Очень рад с вами познакомиться, – весело продолжил Антон Николаевич.

– Я тоже, – сказала девушка и улыбнулась.

Он начал обстоятельно её расспрашивать: откуда родом, кто родители, нравится ли учиться на юридическом факультете, и даже поинтересовался планами на будущее. За несколько минут он узнал о ней многое. Лене не очень понравились расспросы, но она с пониманием отнеслась к этому, помня, что за человек Настин папа. А он немного расслабился и явно стал мягче и раскованнее.

– Что-то моя дочка задерживается, – произнёс Антон Николаевич и повернул голову в сторону двери. – Вот дурочка, влюбилась в этого Хигира.

Тут в столовую вошла Настя и, услышав его слова, смущённо заулыбалась.

– Допустим. И что? – с вызовом спросила она, опустившись на своё место.

– Да он же бабник! – воскликнул отец.

– Ага, как и ты, папочка, – съязвила строптивая дочь.

Антон Николаевич оторопел от такой вольности. Он виновато опустил глаза в тарелку и замолк, не найдя что ответить. Но после несколько обиженно добавил:

– Да, как я! Поэтому я прекрасно знаю, что он за человек и что ему нужно от всех женщин!

– А может, это мне что-то от него нужно? – небрежно парировала Настя.

Антон Николаевич медленно повернулся в сторону дочери и удивлённо поднял брови.

– Да-да, папочка, я уже взрослая, представляешь? Время летит...

– Ладно, давай не будем об этом.

Настя с лёгкостью сменила тему и стала весело рассказывать о последних университетских новостях. Лена молча слушала, иногда кивая и удачно вставляя реплики. Но её голова была занята другим.

«Как хорошо, что я не рассказала о своей любви, – дума-

ла Лена, – иначе стала бы не подружкой, а соперницей. И попробуй тут докажи, что это всего лишь симпатия и никаких притязаний на его величество Хигира я не имею. Так ведь не поверит».

Вечер знакомства затянулся до часу ночи, и хозяева учтиво предложили девушке переночевать у них. Лене в любом случае пришлось бы остаться, ведь в общежитие так поздно уже не пускали. Настя расположила подружку в комнате для гостей на втором этаже, нежилой, но ухоженной и чистой, чем-то напоминающей гостиничный номер. Лёжа в холодной постели, Лена чувствовала себя неуютно на новом месте, поэтому долго не могла уснуть, думая о минувшем вечере. Она не понимала, почему Настя так неуважительно относится к своему отцу. Лене он показался довольно приятным и вежливым, непохожим на тиранов, о которых рассказывали Поля и Женя. И даже в минуты, когда Настя обращалась к нему с едкими нападками, он не ругал её, а грустно опускал глаза и старался сменить тему разговора, избегая ссоры. Видя смущение Антона Николаевича, Лена невольно жалела его, стараясь поддерживать темы, которые он предлагал, чтобы утихомирить разошедшуюся в запале подружку.

* * *

Антон Николаевич рос в простой семье. Отец работал инженером на заводе, а мать стояла за станком там же. Она ухо-

дила в декретный отпуск совсем ненадолго – как только сынок научился ползать, его сразу же определили в ясли. Так что с раннего детства мальчик был предоставлен сам себе. Родители всегда много работали и редко бывали дома, поэтому Антон был очень самостоятельным. Готовил обед, когда приходил из школы, стирал и гладил свои вещи, мыл посуду, делал уборку, сам себя развлекал и воспитывал. Несмотря на отсутствие контроля, Антон рос достаточно организованным и дисциплинированным. Уроки всегда делал вовремя и старался никуда не опаздывать, в школе к нему относились хорошо.

Главным его увлечением в то время были книги. Особенно он интересовался зарубежной литературой, а ещё астрономией и физикой, журналы по этим направлениям он выписывал ежемесячно. Ещё Антон успевал посещать секцию рукопашной борьбы, поэтому среди одноклассников пользовался уважением и авторитетом. Становясь старше, он всё больше времени проводил на улице, пропадая по вечерам с друзьями в московских дворах. Когда подошло время поступать в институт, начал усердно готовиться к поступлению в МГУ на экономический факультет, где и отучился пять лет. А потом Антон решил проявить себя на государственной службе и написал заявление в местную администрацию, там было вакантное место. Будучи комсомольцем, через некоторое время Антон стал активно продвигаться по партийной линии и был назначен на достаточно высокую

должность. Тут-то его и заметил один из генералов Советской армии Сергей Игнатьевич Бережной. Антон ему очень понравился как умный и перспективный молодой человек. Прекрасная партия для его дочери Анны.

Отношения с женщинами у Антона складывались непросто. Не обладая завидной внешностью, он был вынужден пускать в ход все чары своего обаяния. Но привлечь к себе внимание понравившейся девушки не всегда получалось сразу. Приходилось долго ухаживать, тратя немало денег и сил на обольщение. Когда же неприступная крепость сдавалась, то Антон крутил роман недолго, быстро охладевал и вскоре искал новый объект вождления. Но это было отнюдь не распутство, ведь он действительно испытывал сильные чувства, а скорее эмоции, которые захлёстывали его с головой. Ради этого пьянящего водоворота он и ухаживал за девушками, каждый раз думая, что новая любовь и есть настоящая, может быть, на всю жизнь. А потом всё-таки разочаровывался, отчего, кстати, страдал не меньше, чем оставленная девушка, как это обычно и бывает при расставаниях. Придя в себя, снова начинал искать ту самую единственную и неповторимую. И однажды эта неожиданная встреча случилась. Познакомившись с Анной, дочерью генерала Бережного, он влюбился по-настоящему. Это было серьёзное и глубокое чувство. Он перестал обращать внимание на других девушек, мучаясь и страдая только по одной. Он даже о себе думать перестал. Антон делал немало попыток назначить свидание,

но, как только он начинал заговаривать с Анной о любви, девушка смущалась и уходила от разговора. Эта неопределённость мучила его и днём и ночью, ведь его избранница не говорила «да», но и не говорила «нет». Антон не понимал, что же всё-таки ей мешает определиться с конкретным ответом. Ему хотелось знать, испытывает ли она вообще к нему хоть какие-нибудь чувства. Пытаясь разобраться, он решил прибегнуть к помощи её отца, который и так благоволил к нему, видя в Антоне потенциального зятя. Услышав просьбу Антона, Сергей Игнатьевич очень обрадовался. После чего настоятельно рекомендовал дочери обратить внимание на молодого Ливанова. Через некоторое время они начали встречаться, а ещё спустя полгода сыграли пышную свадьбу. Антон был на седьмом небе от счастья и буквально носил жену на руках, делал ей дорогие подарки и старался не задерживаться на работе. Но только одно обстоятельство его смущало. Супруга не отвечала ему такой же пылкой любовью. Даже не пылкой, а в принципе любовью. Взаимности как будто не было. Анна была робка, замкнута и стеснительна. Антон не раз пытался вывести её на откровенный разговор, но она лишь смущённо пожимала плечами и улыбалась. Он подозревал, что Анна не любит его, но делал всё, чтобы ей было хорошо с ним. Шли годы, у них родилась дочка Настенька, в которой любящий отец и муж просто души не чаял. Анна за это время превратилась в прекрасную хозяйку. Она не работала, поэтому полностью посвятила себя дому

и семье. К тому времени Антон Николаевич занимал уже более высокий пост. Он посвящал много времени работе, стал поздно возвращаться домой, но не по причине сильной занятости. Ему попросту стало скучно. Мужчине не хватало адреналина и эмоций, с женой они никогда не ссорились, Анна просто не давала повода. Дочка росла послушным и умным ребёнком и не создавала никаких проблем, на работе тоже всё было довольно благополучно.

Тем временем в стране сменилась власть. СССР рухнул, и перед всеми предстала обновлённая, пока ещё незрелая Россия. Много голов тогда полетело с вершущек власти, но Антон научился адаптироваться и быть гибким, поэтому остался в правительстве, только в другом качестве. В новом государстве чиновники могли иметь свой бизнес, чем и воспользовался Ливанов. Деньги полились рекой. Полученная свобода дурманила. Он стал всё чаще и чаще пропадать на работе. Налаживать связи с новыми партнёрами и инвесторами приходилось не только в офисе, но и в банях, саунах и казино. Спустя время Антон стал гулять напрапоалу. Анна безропотно ждала мужа дома, как будто не обращая внимания на его выходы. Антона выводило из себя это безразличие, он хотел увидеть ревность, чтобы убедиться, что жена хоть что-нибудь к нему чувствует. Вскоре после того, как умер отец Анны, Антон совсем расслабился и завёл серьёзный роман на стороне. Ливанов очень хотел, чтобы жена любила его, он хотел увидеть страсть, взрыв эмоций, злость –

всё что угодно, но только не безразличие.

Настя понимала, что отношения родителей дали трещину, и её это пугало. А однажды, проводив отца в очередную заграничную командировку, она через три дня случайно встретила его с незнакомой женщиной на улице. Парочка прошла мимо, даже не заметив её. Настя прибежала домой вся в слезах и рассказала маме об увиденном. Анна Сергеевна не стала устраивать истерик, а только заперлась в своей комнате и просидела там целый вечер. Потом спокойно вышла и попросила дочку сделать вид, будто ничего не было. Сначала Настя подумала, что у мамы есть план. Но, когда отец как ни в чём не бывало вернулся домой, никаких решительных действий со стороны Анны не последовало, чему Настя была очень удивлена. Но вмешиваться всё-таки не стала. Через некоторое время Антон стал гулять уже практически в открытую: дачи друзей, сауны с девочками, казино... А Анна только молчала. В один прекрасный день он заявил, что уходит к другой женщине, и собрал вещи. Гулял он так немногим больше полугода, а потом вернулся обратно. Жена простила его и приняла. Если раньше Настя злилась только на отца, то теперь возненавидела обоих. Она не понимала, как мать могла так унижаться, превращаясь в тряпку. Отца девушка презирала и старалась как можно меньше общаться с ним. Один раз у них всё-таки состоялся долгий разговор, и Настя с возмущением высказала свои претензии, завершив беседу фразой, что никогда не простит его за этот поступок.

Судьба продолжала подкидывать сюрпризы. В этот же год Анна серьёзно заболела. Врачи ничего не могли сделать, она постепенно увядала, как цветок. Болезнь протекала бурно. Но надо сказать, что уставшая женщина даже не боролась. Насте казалось, что мама была даже рада своей скорой кончине. Она всех простила и со спокойной душой ушла из этого мира, который не принёс ей счастливой судьбы. Утрата жены стала ударом для Ливанова. Дочь никогда не видела его таким разбитым. Он убивался горем и винил себя в её смерти. Антон стал мало есть, спать, взялся за алкоголь. За тот тяжёлый год Антон Николаевич очень постарел и подорвал своё здоровье. У него появились лысина и одышка, несколько недель он пролежал в больнице. Настя, испугавшись, что может потерять единственную родственную, пусть даже презираемую ею, душу и остаться сиротой, начала потихоньку оттаивать, но сильная обида не давала ей до конца наладить отношения с отцом.

Ливанов чувствовал, что дочь относится к нему, как к больному старику, который нуждается в помощи. Простить его до конца Настя всё-таки не смогла, чем и объяснялось её поведение, выражающееся в непослушании и ехидных нападках. Препятствием для окончательного примирения между ними служила неизменная, словно вредная привычка, безграничная любовь отца к женщинам. Свято храня законное место Анны, жениться Ливанов больше не собирался, но обет безбрачия не давал и, немного оправившись

от горя, снова пустился во все тяжкие. Больше всего Настю злило, что пассии отца были чуть ли не её ровесницами.

* * *

Буквально за какие-то полгода между Леной и Настей завязалась крепкая девичья дружба. Они повсюду были вместе, сидели за одной партой, на переменах тоже не разлучались. Настя часто подвозила Лену домой на своей машине, а иногда приглашала погостить на несколько дней. Ливанова искренне привязалась к своей новой подруге, хотя в их общении иногда проскальзывало некоторое пренебрежение со стороны москвички. Так происходило вовсе не из-за разницы в социальном положении: Настя видела в Лене неопытную провинциальную девочку, которая нуждается в дружеской опеке строгого, но чуткого наставника, каковым себя и считала.

Благодаря Насте Лена побывала во многих интересных местах. Научилась играть в теннис и кататься на сноуборде, освоила азы катания на горных лыжах, посещала на пару с подругой конно-спортивный клуб. Ну и, конечно же, девушки ходили в разные увеселительные заведения, клубы, кафе, рестораны.

Антону Николаевичу тоже очень нравилась Лена, хотя его симпатия немного тяготила девушку, потому что симпатия эта была не совсем отеческой и напоминала чувства, обыч-

но возникающие между мужчиной и женщиной. Проявление его чувств, порой слишком бурное, смущало Лену, ей было неудобно перед подругой, но Настя делала вид, что ничего не замечает или не хочет замечать.

Из-за такой благосклонности Ливанова Лене был предоставлен шанс пройти практику в Государственной Думе и самой попытать там своё счастье.

Первый день практики прошёл довольно сумбурно. Настя водила Лену по зданию Госдумы, где заседала верхняя палата Федерального Собрания. Оно поражало своей величественностью и красотой. Огромные светлые залы с начищенными до блеска мраморными полами, коридоры и лестницы, выстланные красными ковровыми дорожками, зеркальные потолки с пышными люстрами... Всё это подтверждало, что именно здесь работают самые светлые умы России нашего времени, творящие законы.

Работы у думцев было предостаточно. Антон Николаевич познакомил девушек со своей командой и сразу дал студенткам, можно сказать, партийное задание. Они стали разбирать какие-то бумаги, делать ксерокопии и складывать в папки под номерами. Лена слабо понимала, чем она занимается, Настя тоже пожимала плечами, но в работу включилась. Целый день они провели за разбором архивов, занимаясь тем, на что члены команды Ливанова никак не могли найти времени.

Следующий день Антон Николаевич полностью посвятил

практиканткам. Объяснил, для чего было дано вчерашнее задание, рассказал, как что устроено и чем вообще он сам занимается, обрисовал фронт предстоящих работ. После этой лекции Лене многое стало ясно, она со знанием дела влилась в практику, внимательно следя за действиями руководителя.

День у девушек начинался и заканчивался в разное время, в зависимости от загруженности и активности самого Ливанова.

Антон Николаевич по своей натуре был совой, то есть человеком, пик активности которого приходится на вечер или ночь. Утром он часто опаздывал, так как тяжело просыпался, а приходя на работу, долго не мог втянуться, бесцельно болтаясь по коридорам или попивая крепкий кофе, закрывшись у себя в кабинете. Где-то после обеда, кое-как расквашившись, Ливанов развивал бурную деятельность, чем сильно донимал своих подчинённых, знавших, что им придётся в очередной раз задержаться.

Следующие пять дней прошли насыщенно, но не так активно. Лена, зарывшись в бумаги, помогала готовить отчёт о сделанном за неделю и что-то сосредоточенно печатала, не поднимая головы. Вдруг в кабинет вошла Настя. У неё было другое задание, но, проголодавшись, она зашла за подругой, чтобы пойти в столовую.

– Лен, пойдём перекусим и отдохнём заодно, – устало произнесла она и сладко потянулась.

Девушки вышли из кабинета и направились по коридору

к лестнице, ведущей вниз. Проходя мимо очередной двери, которых здесь были тысячи, Настя вдруг сказала:

– Ты знаешь, кто здесь сидит?

– Нет, – ответила Лена.

– Наш преподаватель, Алекс Хигир, – будто небрежно уронила Настя.

– Да-а-а?! – воскликнула девушка и с любопытством уставилась на дверь.

– Почему Алекс? – поинтересовалась Лена, догоняя Настю, не пожелавшую останавливаться.

– А потому что он Алекс, а не Алексей. Он специально назвал себя Алексеем, чтобы студентам было удобнее к нему обращаться. Здесь-то все называют его настоящим именем, – ответила Настя.

«Алекс. Как необычно и как мужественно», – уплыла Лена в приятные мысли, и где-то внутри сладко защекотало.

– Интересно, какой он национальности? Еврей, наверное, – предположила Лена и на последней фразе усмехнулась.

– В нём много намешано кровей: и немецкая, и греческая, и даже польская, ну и русская, конечно же. Можно сказать, что он на пятьдесят процентов русский, а на другие пятьдесят – всё остальное. Хотя дед у него чистокровный немец.

Наступило молчание. Лене было сложно идти в тишине, ей очень хотелось продолжить этот интересный разговор и выведать побольше информации об Алексее.

– Ты его хорошо знаешь? – осторожно спросила Лена.

Настя вдруг пристально посмотрела на неё.

– Более чем, – ответила она, но ничего больше рассказывать не стала, а Лена постеснялась настоять.

– Он ведь тебе нравится? – робко спросила Фадеева.

– А кому же он не нравится? Тебе, я так погляжу, тоже, – сказала Настя и лукаво покосилась на подругу.

От неожиданности Лену бросило в краску. Она чуть даже не сказала: «Как ты догадалась?», но вовремя сумела сдержаться.

– Нет, – еле слышно выговорила она.

– А что же у тебя так глаза загорелись, когда мы начали о нём говорить? И у двери ты остановилась, когда узнала, что это его кабинет, – едко заявила Настя.

– Тебе показалось, – сказала Лена и взволнованно сглотнула.

– Да ладно, не оправдывайся. Только ты на него глаз не клади, если не хочешь со мной поссориться, – сказала Настя и засмеялась, чтобы смягчить свой ультиматум.

Лена ничего не ответила, а только отмахнулась, давая понять, что её это вовсе не интересует. Всё равно у неё не было никаких шансов, как и у Насти.

* * *

Шла последняя, третья, неделя практики, но Настя, как

назло, заболела, поэтому Лене приходилось часто оставаться наедине с Антоном Николаевичем. Каждый раз она думала, что он вот-вот начнёт к ней приставать, но тот не делал даже никаких намёков. Хотя, честно говоря, ему этого очень хотелось. После такого испытания девушка стала больше доверять ему и уже не отказывалась от предложения подвезти её до общежития.

– Лена, ты сейчас домой? – спросил Антон Николаевич, встретив её в коридоре в конце рабочего дня. Он был уже в пальто. – Ты не против, если я подвезу тебя?

– Не против, – охотно ответила она.

– Тогда подожди меня в холле, я сейчас спущусь, – он скрылся за дверью кабинета.

Спустившись вниз, Лена встретила Светлану, штатную работницу одной из комиссий. Они познакомились в правительственной столовой в день, когда Настя заболела. Света стояла у зеркала между лестницей и раскидистой пальмой, посаженной в высоком глиняном горшке, и красила губы. Лена не сразу её заметила, а если бы и заметила, то попыталась бы ускользнуть, потому что новая знакомая была жуткая болтушка и сплетница.

– Привет, Лена! Как дела? – окликнула её Света.

Девушка обернулась и, делая приветливый вид, медленно подошла к ней.

– Нормально, – отделалась она однозначным ответом, натянуто улыбнувшись. – А у тебя как?

– Ой, а у меня...

И Света начала рассказывать ей про весь свой день от момента пробуждения и чуть ли не до похода в туалет. Лена перестала её слушать и оглядывалась по сторонам в ожидании своего провожатого. Вдруг она увидела Алексея Эдуардовича, беседующего с каким-то мужчиной. Их взгляды встретились, Лена вспыхнула, её сердце забилось чаще. Хигир пытался вспомнить, что это за девушка. Он переводил взгляд то на неё, то снова на своего собеседника. Пожав ему руку в знак прощания, он направился к лестнице. Проходя мимо, Хигир вдруг остановился и приблизился к Лене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.